

Алексей Баев

Всё началось с волшебной рыбы

(сказочная повесть в рассказах)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вова и волшебная рыба	2
Ах, Африка!.....	6
Дядя Лёша и коток	10
Самый маленький принц	13
Лисичка и колобок	16
Будильник наоборот	20
Живой Йогурт	24
Чемодановый крокодил	29
Бешеный огурец	33
Берёзовый суп	38

Вова и волшебная рыба

(история первая, сказочно-волшебная)

Меня зовут Вова.

Я живу в большом городе в обычном пятиэтажном доме. В нашей квартире вместе со мною живут папа, мама и моя старшая сестра Женя, с которой я иногда дружу, а иногда — не очень. Ещё у меня есть приходящая к нам бабушка, которая безумно любит рассказывать всякие чудесные истории и при этом кормить нас с Женькой чем-нибудь вкусненьким.

Мне шесть лет. И почти все считают меня почти взрослым. Это не так уж и странно, ведь через полгода я должен пойти в школу. А там, наверное, я вскоре перестану верить в сказки. Почему? — спросите вы. Потому что моя сестра — старая и опытная школьница. Жене почти одиннадцать, и она считает, что сказки — ерунда, а настоящая сила в науке. И все говорят, какая у нас Женя большая: и папа, и мама, и даже бабушка, которая хоть и взрослая, но иногда ведёт себя, как ребёнок.

Удивительное же событие, о котором я хочу вам сейчас поведать, произошло в нашем доме ровно год назад.

Мог бы, конечно, и не рассказывать. Но уж очень оно волшебное. По-моему. И если вы меня в этом не разуверите, я, скорее всего, повзрослею не скоро. Почему-то мне так кажется. И в школу меня, наверное, тоже не сразу возьмут. Хоть я и читать умею, и считаю до ста двадцати. И буквы печатные могу писать. На компьютере, когда дома никого нет.

Но возвращаюсь к истории. А уж чистой воды это правда или, как говорит мама, мне всё приснилось, решать вам. Хорошо? В общем, слушайте.

За окном тогда стояла очень холодная зима, а снега почти не было. Мама с папой утром ушли на работу, а мы с сестрой остались дома. Меня в садик не повели, побоялись, что простужусь, а в Жениной школе из-за мороза отменили уроки.

Сестра сварила овсянку, и мы быстренько поели. Папа говорит, что так завтракает даже английская королева, но я почему-то ему не очень верю. Женя, встав из-за стола, пошла в гостиную смотреть телевизор, а я — в нашу с ней комнату дочитывать книгу про бременских музыкантов. Да, да! Я же говорил, что в пять лет читать научился, а буквы понимаю так уж вообще не счесть сколько времени.

Однако книжка оказалась совсем не такой интересной, как мультик. Скажите, разве осёл, петух, собака и кошка могут быть музыкантами без трубадура? Кто ж их на инструментах играть-то научил? Вот и я так считаю, что не могут. Читать расхотелось.

Делать было особо нечего, и я ходил из комнаты в комнату, хлопал дверями и действовал Женьке на нервы. Так она говорит. Точнее, громко-прегромко кричит.

Потом и двери мне надоели, а в телевизоре как назло всё шёл и шёл просто какой-то бесконечный девчонский сериал, из-за которого — и из-за Женьки, конечно — на другой канал переключиться было нельзя.

И тут я вспомнил сказку! Ту, которую накануне вечером рассказывала мне бабушка. Про невероятно ленивого дяденьку со странным именем — Емеля — и про говорящую хищную рыбу (опять забыл, как она называется), которая умела исполнять желания. Вот бы, думаю, мне такую поймать!

Только как же её изловишь, когда ни одной проруби-то в нашем городе и нет? Мама говорит — не в деревне живём, кран открыл — вот тебе и вода. Как она только не понимает, что прорубь нужна не только для воды, но и для ловли волшебных рыб?!

И тут мне кое-что пришло в голову...

— Жень, — говорю, когда её девчонский сериал перебили рекламой, — а помнишь, папа вчера рыбу с рынка принёс?

— Ну, — отвечает, — и чего дальше?

— Да ничего, — хитрю я. — Так просто спросил. А ты не знаешь куда он её положил?

— Известно куда, в морозильник, — говорит.

Я чувствую, что сестра уже что-то заподозрила, но остановиться не могу.

— Слушай, Жень, — продолжаю, — а как та хищная рыба называется, про которую мне бабушка вчера сказку рассказала?

— Какая ещё сказка про хищную рыбу? — удивилась Женья.

— Ну та, — говорю, — где про дяденьку Емелю на печке.

— А-а! — засмеялась Женька. — Щука что ли?

— Ага, щука! — обрадовался я. — А у нас в морозилке какая?

— А у нас в морозилке налим, — отвечает, а сама смеётся.

Я расстроился. Сами подумайте, разве может быть какой-то налим волшебником?

Поймите меня правильно, я совсем-совсем не жадный. Мне даром не надо ни полцарства, ни царевну к нему в придачу. Но вот конструктор из маленьких таких кубиков, из которых можно построить целую крепость, совсем бы не помешал.

Я папе как-то сказал, что хочу, чтоб на Новый год мне Дед Мороз такой конструктор подарил, но папа ответил, что эти крохотные кубики стоят аж половину дедморозовской зарплаты. И, мол, чтоб я губу не раскатывал? Интересно, это как — раскатывать губу?

— Вова, — сквозь свои невесёлые мысли услышал я и вроде как очнулся.

Смотрю, Женька серьёзной такой стала, на шёпот перешла. Зачем? Ведь дома-то кроме нас с ней и телевизора никого больше нет?

— Вов, а ты разве считаешь, — говорит, — что налим тебе не поможет?

Вот ведь, думаю, умная какая! Разгадала мою хитрость. Да чего уж.

— Ну как, — спрашиваю, — он поможет? Он же налим, а не щука! И из морозильника, а не из проруби.

— Ну и что, что не щука и из морозилки, — пожалала плечами Женька. — Попробовать-то можно. Ты ж ничего не теряешь! Не получится так не получится. А вдруг выйдет?

И опять подозрительно на меня смотрит.

— Думаешь? — не на шутку засомневался я.

— Ага, — отвечает, и головой ещё кивнула для убедительности. — Только его правильно разморозить надо, чтобы к жизни вернуть.

— А правильно — это как? — с интересом спросил я.

— Да очень просто. Заткни ванну пробкой, набери в неё воды. Только холодной, а не горячей, иначе уха получится. Запомнил?

— Запомнил, — киваю. Я вообще мальчик смысленый. — Надо набрать в ванну холодной воды. А дальше?

— А дальше вообще всё просто, — серьёзно сказала Женья. — Берёшь из морозилки налима, вытаскиваешь его из пакета, кладёшь в воду и ждёшь, пока оттаёт.

— И долго ждать? — уточняю.

— Ну, не знаю, — пожалала плечами сестра. — Пока не разморозится. Может полчаса, может, час. А может, и дольше... И хватит меня доставать, реклама кончилась. Иди отсюда, малявка!

На такие слова я давно не обижаюсь. У нас в садике воспитательница, Валентина Антоновна, очень хорошая, кстати, тётенька, говорит, что кто как обзывается, тот сам так и называется. И я ей верю.

В общем, пошёл я, братцы, набирать ванну. Зажёг свет — у нас выключатели низко, не надо, как у Серёжки, на табуретку вставлять. Потом заткнул пробкой дырочку, через которую вода вытекает, и включил холодную воду. Женька ведь сказала, что горячую нельзя, чтоб рыбный суп не получился. Дождался, когда набралась половина ванны — для налима должно хватить, завернул кран, и отправился в кухню к холодильнику. Морозилка у нас тоже снизу, поэтому и тут, как у Серёжи, табуретку подставлять не надо. Это когда он тайком мороженое таскает. Но это к моей истории не относится.

Налима в пакете я нашёл сразу. Он на самом верху лежал. Да, думаю, бедная ты рыба. Плавала себе в речке, горя не знала, а какой-то дяденька тебя поймал, отвёз на рынок и продал для нашей еды. Я хоть и люблю жареную рыбу в хрустящей корочке из теста, но тут мне налима так жалко стало, что я пообещал себе, если только он оттаёт, всю жизнь питаться овсянкой, как английская королева (может, папа и не обманывает?), котлетами и даже жирным супом щи с противной варёной капустой.

Положил я пакет с налимом на стол, развязал его аккуратненько — хоть и не сразу получилось, достал рыбину, отнёс её в ванную и осторожно опустил в воду. И встал рядышком ждать, когда мой исполнитель желаний, наконец, оттаёт.

Не знаю, сколько прошло времени, но стоять возле ванны и караулить момент, когда оживёт налим, мне в конце концов надоело.

А тут ещё Женька подошла, её сериал только что закончился.

— Иди, — говорит, — смотри свои мультики. От того, что ты тут торчишь, рыба быстрее не оттаёт.

— Хорошо, — сказал я, тем более что и сам об этом только что подумал.

Женька ушла в нашу комнату и включила громкую музыку, а я погасил в ванной свет и вприпрыжку поскакал в гостиную к телевизору. А там!

Там как раз показывали «Бременских музыкантов», обе серии, правильных — с трубадуром, принцессой, толстым глупым королём и прохиндейского вида сыщиком. После «Бременских» начался «Летучий корабль», потом ещё что-то интересное, сейчас уж и не вспомнить, потом кино какое-то — про инопланетянских гуманоидов, кажется.

В общем, про налима в ванне я совсем забыл.

И вспомнил о рыбе лишь тогда, когда в дверь позвонили. Женька пошла открывать...

Удивляюсь я девчонкам!

Вот скажите мне, почему они всё замечают и всё слышат? У нас в садике есть такая Катя Галкина. Она, даже когда мы с Серёжкой совсем в другом углу от неё секретничаем, так на нас смотрит... «Хватит, — говорит, — мальчишки, меня дурочкой называть. У меня дедушка профессором работает, а у профессоров в семье дурочек быть не может». Во как! А ведь Серёжа её и правду так назвал. Точно, точно! Говорит мне шёпотом: «Чё эта дурочка на нас всё время пялится?». Я, конечно, не согласился, но...

Но я, кажется, опять отвлёкся.

Итак, в дверь позвонили. Женька звонок услышала и пошла открывать. Несмотря на то, что её музыка гремела, как мотоцикл нашего соседа дяди Лёши.

Пришла бабушка. Я побежал её встречать.

Бабушка притащила полную сумку продуктов и отдала нам с сестрой, чтобы мы отнесли её в кухню.

— Сейчас, — говорит, — ребятишки, картошечки сварим, рыбку пожарим и будем обедать.

Я как про рыбку услышал, своего налима, который в ванне от морозильника греется, сразу же вспомнил. И испугался. Если бабушка его поджарит, кто ж мне желание про конструктор исполнять будет?

Вернулся я в коридор, где бабушка свою шубу на плечики вешала, и говорю ей:

— Чего-то рыбки-то совсем и не хочется. Давай-ка лучше, бабуля, котлеток сделаем. Я тебе их налепить помогу.

Бабушка удивилась, посмотрела на меня каким-то интересным взглядом и ответила:

— Что ж, котлеток — так котлеток. А чего это ты рыбки не хочешь, Володенька? Любишь ведь.

— А он её в ванне оживляет, чтоб желание загадать! — тут же выдала меня Женька.

Скажите мне, как она меня из кухни-то, из-за закрытой двери услышала?

Бабушка шубу свою повесила, сапоги сняла и, — а я уже приготовился, что меня ругать будут, — по голове погладила.

— Молодец, — говорит, — Вовка!

— Почему это? — изумился я.

— Ну как это — почему? — сказала бабушка. — Любой нормальный человек должен верить в чудо. Ты слышал, внук, что люди произошли от обезьян?

— Да вроде, — ответил я негромко.

— А знаешь из-за чего? — спросила бабушка.

— Из-за чего? — мне стало очень любопытно.

— А из-за того, — говорит, — что научились думать. Вот раньше жили себе эти обезьяны на деревьях, рвали с них фрукты и овощи, и горя не знали. А что? Зимы тогда не было. Всегда тепло, стало быть.

— Как в стране Эквадор? — спрашиваю.

— Почему, как в Эквадоре? — удивилась бабушка.

— Ой, бабуля, — отмахнулся я, — какая ж ты непонятливая! У нас сейчас что? Зима?

— Зима, — кивнула бабушка.

— Холодно?

— Не то слово, Вовка! — говорит.

— Вот, — торжественно заявляю я. — А в стране Эквадор тепло. Бананы-то откуда в магазине, а? Они ж на холоде не растут.

Бабушка рассмеялась, а потом говорит:

— Умный ты у меня, Володенька. Настоящий вундеркинд!

А я говорю:

— Какой же я умный, когда не знаю, кто такой этот... вунтер... вумнер...

— Вундеркинд? Вундеркинд — это по-немецки удивительный ребенок. Такой ты и есть.

И я покраснел. Но тут же вспомнил обезьян из Эквадора.

— Так чего там, бабуль, с мартышками-то произошло? — спрашиваю.

— А то, — отвечает бабушка, — что на нашу Землю пришло сильное похолодание, фрукты с овощами на ветках расти перестали, и обезьянам пришлось с деревьев слезать. Надо ж им было, бедным, укрытие от холода искать и какую-то новую еду придумывать, чтоб не умереть. Вот они, эти самые обезьяны, и стали учиться думать — где им согреться и чем брюхо набить. А как думать научились, так у них всё сразу образовалось — и пещеры с тёплыми кострами, и мясо, на этих кострах замечательно приготовленное. Понятно?

Мне, в принципе, всё было ясно, но я как этот... вумнер... вундер..., ай, не помню, не мог понять — при чём тут чудо? Так и спросил. А бабушка ответила:

— Понимаешь, Вовка...

Она со мной всегда говорит, как с взрослым — папа даже шутит что мы с ней одного возраста. Так вот...

— Понимаешь, Вовка, — сказала бабушка, — когда холодно и голодно, человек думает о тепле и пище. А когда он сыт и согрет, начинает мечтать о чём-то другом. Не таком важном, как дом, еда и одежда, но тоже нужном. А если это нужное заполучить никак не выходит, ждёт чуда. Разве не так?

Я почему-то сразу подумал о конструкторе за половину дедморозовской зарплаты и тяжело вздохнул:

— Так, бабуля...

А потом случилось то самое чудо, о котором я даже мечтать боялся.

Налим наш оттаял и ожил.

Рыбина, вся такая гладкая и скользкая, плавала в ванне и... И разговаривала! Со мной, представляете? А с Женькой и с бабушкой почему-то не хотела. Но это не важно.

— Привет, — говорит, — Вовка! Как твои дела?

— Привет, — отвечаю, — уважаемый налим. Дела мои нормально. А ваши как?

— И мои, — говорит чудо-рыба, — нормально. Спасибо тебе, мальчик, что к жизни вернул. Когда меня дяденька в реке на сало из борща поймал, я подумал: «А ведь не старенький я ещё налим, мог бы жить и жить, мальков растить-воспитывать. А теперь всё, швах!»

— А что такое швах? — спросил я у налима.

— Объяснить не могу, — ответила рыба, — но понимаю, что ничего хорошего. Ты, кстати, зачем меня спас-то, а? Небось желание заказать мне хочешь?

— Ну... — потупился я.

— Хочешь, хочешь, — засмеялся налим. — По глазам вижу. Что ж, загадывай. Исполню в самом лучшем виде.

Я не поверил собственным ушам.

— Что, правда, исполните?

— Отвечаю! — заявляет налим. — Если не веришь, загадай сперва что-нибудь простенькое. Чтoб сразу сбылось. Немедленно. Давай смелее!

— Ну... — опять задумался я. — Хочу, чтоб бабушка мне ещё до обеда шоколадку дала!

— Будет сделано! — отвечает налим.

И тут с кухни, вы не поверите, бабушка как закричит, я аж подпрыгнул от неожиданности.

— Вовка, иди-ка сюда!

Я бегом в кухню, а там на столе... Шоколадка! Молочная, большая такая! Сла-а-адкая...

— Ты только вот что, внук, — сказала бабушка, — всю сразу не ешь, а то аппетит перебьешь.

— Как же я его перебью, бабуль? — говорю, а у самого уже слюни текут. — Он же не тараканы!

Бабушка рассмеялась:

— Иди, давай, не мешай мне готовить! Женю угостить не забудь.

В общем, налим не соврал. И потом ни разу не обманул.

Папа, когда пришёл с работы, ожившей рыбине в ванне очень удивился. И пожалел её. Он сходил в подвал и достал из сарая детскую ванночку, в которой меня купали, когда я был младенцем. Туда налима и переселили. И поставили ванночку в нашу с Женькой комнату рядом с моей кроватью.

С кормом оказалось всё проще простого. Налимовский деликатес, если кто не знает, — сало из борща и испорченная «докторская» колбаса. Запомните. Или запишите. Вдруг и вам так же повезёт, как мне.

Но о том, чтобы скушать чудесную рыбу, не могло быть и речи. Хотя мама не раз пыталась меня уговорить. Разве ж друзей есть можно?!

А то, что мы с Борисом — налим сказал мне, что его зовут именно так — подружились, ни у кого не вызывало сомнений.

Ещё до Нового года я сильно заболел, и если б не Борис, которого я попросил исполнить желание о быстреньком выздоровлении, праздник бы я встречал в больнице.

А ещё у папы напечатали его книжку о родном крае. Тоже, между прочим, я загадывал!

И в Новый год ко мне приходил Дед Мороз, который подарил замечательный конструктор за половину своей зарплаты! Он, кстати, и Женьке принёс диски со всеми сериями того самого девчонского фильма — опять нам с Борисом спасибо.

И мама устроилась на хорошую работу. Теперь домой приходит весёлая и не поздно. Вот только она почему-то всё равно не верит в чудо.

И бабушка замуж вышла. Она-то в чудо верит, вот только Боря отчего-то с ней разговаривать отказывался.

А потом пришла весна, и мы, когда поехали первый раз на дачу, выпустили Бориса в реку.

Вы спросите — зачем же я позволил отпустить такую чудесную рыбу? Ведь теперь снова придётся ждать чуда.

Пусть!

Все желания исполнились.

А появятся новые — тогда и о чуде буду задумываться.

Или я не прав?

Ах, Африка!

(история вторая, волшебнo-зоологическая)

Когда я не болею, и когда не выходные, я хожу в детский сад. Там у меня есть лучший друг Серёжа, добрая воспитательница Валентина Антоновна и не очень добрая воспитательница Марина Александровна.

Вообще-то Марина Александровна тоже добрая. Просто она любит грозить пальцем, когда кто-то балуется и заставляет нас с Серёжкой есть суп с варёной капустой, который называется щи. А мы его не любим. Поэтому, скорее всего, в ближайшее время не вырастем. Так Марина Александровна говорит, и Серёжа ей верит. Потому что она ещё и его родная бабушка.

А моя бабуля считает, что у нас есть шанс — вот только что такое «шанс» я не очень понимаю, — потому что мы любим овсяную кашу. Овсяная каша, если кто не слышал, помогает людям вырастать гораздо лучше, чем варёная капуста. Уж я-то это точно знаю. За год моя высота увеличилась на целых восемь сантиметров.

Сегодня я хочу вам рассказать одну интересную историю, что произошла с моим лучшим другом Серёжей. Ему никто не верит, кроме меня и моего соседа дяди Лёши, который летом ездит на мотоцикле, а зимой его ремонтирует в нашем подъезде. Зря не верят, между прочим. Потому что Серёжка — один из самых честных людей на всём белом свете. И если б он обманывал, я бы сразу это понял и перестал с ним дружить.

А произошла эта история прошлым летом, когда я уговорил папу с мамой взять Серёжу к нам на дачу. Дача у нас знаете где? На Волге!

Я думаю, что Волга — самая большая река в мире. Но папа говорит, что есть и пошире, и подлиннее. Например, Амазонка. Честно? Не знаю. Амазонку я не видел. А наша Волга такая, что её даже сам папа на резиновой лодке переплыть боится — вот какая она широченная. А уж сколько пароходов и всяких разных барж по ней плавают — не сосчитать, обязательно собьёшься.

Но вернусь к своему рассказу, а то отвлёкся.

Так вот, я тогда так сильно просил маму с папой взять друга на дачу, так крепко обещал, что мы будем вести себя хорошо, что родители, в конце концов, согласились. Моя мама позвонила Серёжкиной, и они обо всём с ней быстренько договорились.

На следующее утро, когда к нам привели Серёжу, мы сразу на папиной машине и поехали. Я, Серёжа, мама, папа и Женька, которая всю дорогу обзывала нас мальками и обещала кормить все два дня варёной капустой. Мы расстраивались, папа громко смеялся, а мама нас утешала и говорила, что Женя шутит. Ничего себе у неё шуточки!

Когда мы приехали на дачу, то покушали бутербродов с копчёной колбасой и плавленным сыром, запивая их вкусным молоком, которое мама купила в деревне у чужой бабушки. Потом переоделись в плавки, взяли полотенца, мячик, надувной спасательный круг и отправились на Волгу.

Вода оказалась такая тёплая, что мы с Серёжей совсем не хотели выходить на сушу. Мы продолжали играть в крокодила и бегемота даже тогда, когда папа сказал, что я вчера обещал хорошо себя вести.

Я, конечно же, был крокодилком, потому что худой. Меня даже бабушка из-за моей маленькой толщины называет смешным словом «дрищ». А Серёжка чуть-чуть толстый. Поэтому он был понарощечным бегемотом. Мы гонялись друг за другом, брызгались, рычали и хотели друг дружку слопать. Не по-настоящему, конечно. Это ж игра! Но, в конце концов, папе надоело на нас ругаться, он вошёл в воду, взял меня и Серёжу под мышки и вытащил на берег.

Песок под ногами оказался очень горячим. Бегать по нему и гонять мяч совсем не хотелось. Сидеть же на этом пекле и строить всякие там крепости и башенки, как предлагала мама, показалось нам вообще самым ужасным занятием во Вселенной.

Тогда я предложил:

— Серёжка, а пойдём играть в кусты!

Сразу хочу сказать, что у нас на берегу растут настоящие джунгли. Только не очень страшные — без лиан, мартышек и чуть-чуть выше меня. Зато там не сосчитать сколько запутанных тропинок, многие из которых я знаю. Мы ведь каждое лето на даче отдыхаем.

— Пойдём! — обрадовался Серёжа. — А в кого мы там будем играть?

— Ну, не знаю, — пожал я плечами, — придумаем.

— А я уже придумал, — сказал Серёжка и аж запрыгал от радости. Или просто песок был очень горячий. — Мы будем играть в обезьяну и леопарда. Чур, я леопард!

— Почему это ты леопард? — обиделся я. Очень уж не хотелось мне быть обезьяной.

— Потому что я первый его занял! — объяснил Серёжа.

Но мне от этого легче не стало. И тогда я...

— Не будем мы играть в зверей. Мы будем следопытами!

— А кто это — следопыты? — спросил Серёжа.

— Следопыты, — сказал я, — это такие дяньки, которые по сломанным веточкам, мятой траве и брошенным фантикам от конфет могут найти кого угодно. Я в кино про индейцев видел.

— Здорово! — сказал Серёжа. — В следопытов мне нравится играть даже больше, чем в зверей. Пойдём скорее в джунгли! Вдруг этот Кто Угодно уже давно потерялся и ждёт — не дожждётся пока его отыщут следопыты.

Я сказал маме, что мы пошли в кусты играть в следопытов, и она сказала:

— Хорошо. Только когда я вас позову, вы сразу же вернётесь. Договорились?
Я кивнул, и мы наперегонки бросились в наши джунгли.

Сначала мы с Серёжей шли рядышком по широкой дорожке. Но чужих следов — фантиков, сломанных веток, пустых бутылок и ещё чего — говорить не буду — было так много, что мы решили разделиться.

Я пошёл направо, на узенькую тропинку, ведущую в сторону деревни. А Серёжка свернул влево — на тропку, по которой ходят рыболовы к заводи. Наша заводь — это такой маленький заливчик, где нет течения, зато много водяных цветов кувшинок и живёт целая стая карасей.

Мы с другом договорились, что если кто-нибудь найдёт что-нибудь интересное, то обязательно об этом громко крикнет. Чтоб поделиться радостью.

Я шёл долго и добрался почти до самой деревни, но кроме мусора и сломанной блесны без крючка ничего не нашёл. Тогда повернул обратно, но решил идти по другой тропинке. Чтобы не возвращаться на пляж, а сразу выйти к заводи и там встретиться с Серёжкой.

В следопытов играть мне почему-то больше не хотелось. Серёжа не кричал. Я подумал, что он тоже не нашёл ничего интересного. К тому же, мои плавки высохли, а значит, мама снова разрешит купаться. Вот она — единственная радость.

Долго ли я шёл, коротко ли — так во всех сказках говорят — но до заводи всё-таки добрался. И сразу же увидел Серёжку.

Мой друг сидел на песке и смотрел на затянутую ряской воду. Ряска — это много-много крохотных скользких листочков, которые плавают в воде и из-за них противно купаться. Серёжа был такой грустный, что чуть не плакал.

— Привет! — крикнул я. — А ты чего какой?

Друг шмыгнул носом, вытер его рукой и сказал:

— Жалко, что он так быстро уплыл.

— Кто уплыл? — не понял я.

— Бегемот, — сказал Серёжа. — Сказал, что очень торопится. Потому что до Африки добираться долго, а ему надо успеть до зимы. Ведь бегемоты — теплолюбивые животные. Подо льдом, как моржи, они плавать не очень любят.

Я удивился. Не тому, что бегемоты не любят плавать подо льдом, это я и так знаю. А тому, откуда в нашей Волге взялся бегемот.

— Ты меня обманываешь, — сказал я Серёжке. — Бегемоты сюда не заплывают.

— А вот и заплывают! — обиделся мой друг. — А вот и не обманываю! Я, между прочим, очень сильно просил его остаться, чтобы тебе показать. Но он не согласился. Сказал, что если Вовка настоящий друг, то он тебе и так поверит. И ещё он мне вот это дал.

Серёжа протянул мне руку, и я увидел на его ладошке плоский камушек. Этот камушек был такой круглый и с такой аккуратной дырочкой посередине, что я сразу понял — мой друг не врёт. Ведь в Волге таких камней нет. Скорее всего.

— Ух ты! — искренне позавидовал я. — Дашь посмотреть?

— Бери, — шмыгнул носом Серёжка. — Ты ж мой друг! Только верни обязательно.

— Конечно, — кивнул я и осторожно взял камушек с Серёжиной ладони.

Камень оказался не просто круглый и с дырочкой. Он был ещё и с ярко-синими крапинками, которые весело сверкали на солнце. Отдавать его очень не хотелось. Но это ж не мне его подарили!

— Слушай, Серёжка, а чего он сюда приплывал-то, а? — спросил я.

— Кто? — спросил Серёжа.

— Ну этот, бегемот!

— А-а! — сказал Серёжа. — Он сказал, что здесь очень караси вкусные. Таких в Африке не бывает.

Это тоже было правдой. Таких потрясающих карасей, как в нашей заводи, ни в Африке, ни в Азии, ни даже в далёкой Америке нет.

— А как же он к нам в Волгу-то приплыл?

— Не знаю, — сказал Серёжа, — он мне этого не сказал.

Я нехотя вернул другу камушек и сел рядом. Песок здесь был не такой горячий, как на пляже, потому что тут у самого берега растут высокие деревья, от которых на земле образуется приятная тень.

Мы долго сидели рядышком и молчали. Каждый думал о своём. Не знаю, о чём размышлял Серёжка, а я досадовал о том, что сам не пошёл по тропинке, ведущей к заводу. Ведь тогда бы я увидел бегемота, и чудесный африканский камушек он подарил бы мне...

— Вова, — тихонько сказал Серёжа. — Бегемот мне сказал, что если я ночью под подушку положу этот камень, то скоро обязательно поеду в Африку.

— А он что, волшебный? — снова удивился я.

— Не знаю, — пожал плечами Серёжа. — Нет, наверное. Волшебные штуки исполняют любое желание, а этот камень только в Африку меня отправит. А я туда никогда раньше не собирался. Вот только сегодня в первый раз захотелось. Когда с бегемотом поговорил.

— А-а... — сказал я.

Мы ещё, наверное, целый час бродили по берегу заводи и пинали в воду сосновые шишки. А потом услышали, как нас зовёт мама, и бегом бросились на пляж. Пришло время подкрепиться.

Обедали мы прямо на берегу. Под зонтиком, который установил папа. Помню, ели холодную жареную курочку, свежий хлеб, помидорки с огурчиками и всё это запивали самодельным квасом, который нам в дорогу дала Серёжкина мама.

Потом до самого вечера купались и загорали. А когда солнышко начало краснеть, пошли домой. Там пили чай с молоком и пряниками, смотрели по телевизору какое-то интересное кино, сейчас уж не вспомню — какое.

А затем нас с Серёжей отправили спать на второй этаж. Уложили на широкий скрипучий диван, который раньше стоял в нашей квартире и на нём спали папа с мамой. И Серёжа положил под подушку бегемотов камушек...

На следующий день мы вернулись в город только к вечеру. Сначала мы решили завезти Серёжку. Его встречала бабушка — та самая воспитательница из нашего садика — Марина Александровна, которая заставляет нас есть суп щи с варёной капустой.

Она спросила, как себя вёл её внук, и папа ответил, что хорошо. А когда я попросил Марину Александровну отпустить Серёжу с нами на дачу и в следующие выходные, она ответила, что, к сожалению, ничего не получится.

— Почему? — удивились мы.

— Потому что, — объяснила Марина Александровна, — Серёжин папа купил для него и его мамы путевку на свою заводскую турбазу «Африка», куда они уезжают уже завтра и будут жить там целых две недели.

Вот так!

И не верь после этого бегемотам.

Конечно, между настоящей Африкой и турбазой с названием «Африка» ничего общего кроме этого самого названия нет, но ведь не это главное, правда?

Бегемот обещал — бегемот сделал!

А когда мы вернулись домой, и мама с папой и Женей ушли в нашу квартиру, я задержался у подъезда с соседом дядей Лёшей. Он летом ремонтирует свой мотоцикл на улице и иногда, когда мои родители не видят, катает меня вокруг дома.

Я рассказал дяде Лёше историю про Серёжу и бегемота. Думал, что он мне не поверит и будет смеяться.

Но сосед только улыбнулся и сказал:

— Вовка, в нашей Волге не только бегемота встретить можно. Говорят, раньше, когда ещё и телевизоров не было, там по берегам настоящие Змеи Горынычи в пещерах жили. А уж в ближайших лесах каких только удивительных существ ни пряталось!

И помолчав немного, добавил:

— Сказки, Вовка, на пустом месте не возникают. Всегда кто-то что-то видел своими глазами. А потом об этом другим поведал. И если ему поверили, то назвали историю былью. А если нет, то сказкой.

Здорово сказал, правда?!

Дядя Лёша и коток

(история третья, волшебнo-техническая)

Сейчас зима.

Это значит, что я часто болею. Бабушка говорит, что надо гланды удалять, но мама против. А я вообще не знаю, что такое гланды и откуда их удаляют.

Так вот, сейчас зима. И я, к сожалению, снова болею.

А вчера получилось так, что папа с мамой ушли на работу, сестра — в школу, а бабушка где-то задержалась. Я остался дома совсем один. Это, в принципе, не страшно. Даже папа говорит: «Ты, Вовка, уже взрослый. Часок можешь и в одиночестве посидеть». Я тоже так считаю.

Когда все разошлись, и я заперся один в квартире, позвонила бабушка. Она сказала, что придёт к нам только к обеду. А я подумал и ответил: «Что будет, если мне станет тоскливо?» Но бабуля уже повесила трубку.

Итак, я остался совсем один. Но ни страшно, ни тоскливо пока не было. И температура у меня как-то сразу прошла. Сама собою.

Для начала я пошёл в кухню и съел там половину шоколадки, которую нам с бабушкой оставила мама. Потом мне стало интересно, что показывают по телевизору. Я включил его и целый час смотрел старые мультики, которые хоть и давно надоели, однако помогали дожить до прихода бабушки. Делать-то всё равно было нечего.

Когда мультфильмы кончились, я ещё немножко полазил по папиным ящикам и посмотрел всякие интересные штуки — отвёртки, плоскогубцы, фонарик-жучок, большую кнопку которого надо нажимать двумя руками, чтобы он жужжал и светился. Потом по маминым ящикам полазил, но там ничего интересного не нашёл. А про Женькины секретки я и так всё знаю. Даже дневник её читал, как она целовалась с Андрюшкой из своего класса. Ф-фу! Противно, да?

Хоть Женька мне тогда и дала подзатыльник, интерес к её жизни у меня отчего-то не только не пропал, но даже усилился. Я вообще любознательный.

Между тем, в телевизоре начались новости, и тётенька с экрана сказала, что в Москве десять часов. Значит, и у нас в городе столько же.

А заняться было ну уж совсем больше нечем. Лежать в кровати и болеть, как велела мама, вообще не интересно!

И тут...

И тут, я услышал, как затарахтел мотор дяди Лёшиного драндулета. Помните, я говорил, что у нас сосед в подъезде свой мотоцикл ремонтирует? Так вот, это он как раз и был.

Дядю Лёшу за его мотоцикл ругает весь подъезд. А мне он нравится! Когда не чинит свою «железную лошадь» и не спит, дядя Лёша работает шумахером на маршрутном такси двадцатке. Шумахер, для тех кто не знает, это такой шофёр. Только обыкновенный шофёр ездит как попало, а шумахер — очень-очень быстро. Так папа говорит.

В общем, услышал я тарактенье из подъезда, накинул на себя пуховик, надел сапожки, открыл входную дверь, и вышел.

Мотор к тому времени уже стих. Дядя Лёша стоял на коленях перед своим мотоциклом и скручивал какие-то проводки. Услышав, как я громко хлопнул дверью, он повернулся ко мне, улыбнулся и сказал:

— Привет, Вовка! А ты чего это не в садике?

— Здравсьте, — сказал я. — Болею. Дома сижу.

— А зачем тогда в подъезд вышел? Хуже не станет? — спросил дядя Лёша.

— Хуже не станет. Потому что некуда, — ответил я. — Скучно. Все ушли, а бабушка только к обеду придёт.

— А-а, — сказал дядя Лёша. — Тогда ладно. Только ты б не замёрз тут. Не май месяц.

— Знаю, что не май, — сказал я. — В мае снега не бывает. В мае мы на даче шашлыки жарим, и я там в одной рубашке хожу.

— Много ты знаешь! — рассмеялся дядя Лёша. — Вот я одну историю из своей жизни помню, так там в мае не только снег был, но и гололёд настоящий. Я ещё тогда не на маршрутке работал, а в дорожном управлении. На катке асфальт утрамбовывал.

— Ну вы и сочинять! — обиделся я. — Это ж кто на катке асфальт утрамбовывает? Каток из шланга водой поливают, пока там лёд не появится, чтобы можно было на коньках кататься. Я сам видел. Честно!

Но дядя Лёша опять засмеялся. А потом вдруг серьёзным стал, подозвал меня к себе пальцем и на ухо тихонечко прошептал:

— Есть ещё и другие катки, Вовка. Машины такие. На них асфальт утрамбовывают. И осенью, когда грязь везде, иногда и зимой, когда гололёд, и даже весной, когда лужи по колено.

А сам снова смеётся. Ну что с ним будешь делать? Шутник он у нас! Обижаться мне расхотелось, и я сам рассмеялся.

— Знаешь, Вовка, — говорит мне дядя Лёша, — иди-ка ты домой, вон дрожишь как. А я приятельницу свою в квартиру завезу, — дядя Лёша ласково погладил свой мотоцикл по бензобаку, — умоюсь и к тебе приду. С пряниками. Будем твою бабулю вместе дожидаться, а то я боюсь, помрёшь от скуки в гордом одиночестве. Договорились?

Я своим ушам не поверил. Представляете, сам дядя Лёша ко мне в гости придёт! Но всё-таки кивнул:

— Договорились.

У нас дома дядя Лёша сразу прошёл на кухню, налил чайник, поставил его на плиту и зажгёт спичкой газ. Мне строго настрого запрещено это делать — спички детям не игрушки. Потом развязал большущий пакет с пряниками и уселся напротив меня на табуретку.

— Угощайся, — сказал он и взял первым.

— Спасибо, — поблагодарил я и последовал его примеру.

Пряники оказались свежими и вкусными. Даже чаю не надо. Но всё равно налили. Когда я съел три штуки, то вспомнил про странную машину с ледяным именем и про снег в мае.

— Дядь Лёш, — сказал я, — а расскажите мне ту историю про каток, на котором не лёд заливают, а асфальт утрамбовывают.

— Ох, точно! — воскликнул дядя Лёша. — Спасибо, Вовка, что напомнил. Слушай!

Вот его история.

Было это очень давно, Вовка. Ты тогда ещё не родился, а я работал в дорожном управлении в ремонтной бригаде. Мы асфальт чинили — ямы заделывали, трещины всякие, а также меняли бетонные бордюры, которые раскрошились.

Зимой работы почти не было, поэтому мы с мужиками сидели в комнате и играли в домино. Но когда пришла весна, снег начал таять, а дороги ото льда очистились. И тут оказалось, что ям и трещин на этих самых дорогах так много, что надо асфальт срочно приводить в порядок.

Раньше-то я с лопатой работал. А как раз в том году мне каток решили дать. Каток, Вовка, это не только ледяная площадка, на которой хоккеисты, фигуристы и прочие конькобежцы катаются. Каток — это ещё и техника такая. На трактор похожая, только с большими железными валами-колёсами, тяжеленными и гладкими. В «Ну, погоди!» в одной из серий волк от такого убегал, помнишь?

— Вспомнил! — обрадовался я. — Там этот каток ещё за волком по лесу гонялся и берёзы давил.

— Точно! — сказал дядя Лёша и продолжил свой рассказ. — Как раз на таком катке я и работал. Только мой лучше был, с тёплой кабиной.

Так вот, пришла весна. Дороги оттаяли, и все сразу увидели, как они за зиму испортились.

Начальник сказал нашей бригаде, чтобы мы кончали играть в домино и принимались за дело. Ну, мы и принялись. Привезли нас с нашими ремонтными машинами на одну из улиц, выгрузили. Потом асфальт на самосвалах доставили. И закипела работа!

Укладчик — это тоже машина, она горячий асфальт на дорогу ровным слоем сыплет — работает. Мужики с лопатами работают — грязь убирают, холмики разравнивают. Второй каток асфальт укатывает — работает...

А я стою. Не хочет мой каток ехать, хоть ты тресни! Колесо, главное, разогрелось. Горячее, как сковородка. А катить на работу не желает!

Мужики смеются. Ты, говорят, Лёша, хоть блинов напеки, пока мы тут за тебя вкалываем!

Ну, я и подумал — а что? Хорошая идея.

Сбегал в магазин, купил масла, муки, яиц, молока, соли, сахара и брусок хозяйственного мыла. Потом взял в кабине своего катка ведро, отдраил его как следует под колонкой, набрал

воды, помыл горячее колесо-вал с мылом. Ведро ополоснул, намешал в нём срезанной веточкой тесто для блинчиков. Погуще, чтоб не стекало... И давай кружкой на каток поливать — на то самое горячее колесо, маслом смазанное, чтоб не пригорало.

Мужики наши из бригады остановились все. На меня смотрят от удивления круглыми глазами и пальцами у висков крутят. Мол, глупый, что ли? Мы ж пошутили!

А мне всё равно. Я первый блин ножичком перочинным подцепил, перевернул, а через минуту снял. Он, этот самый первый блин даже комом, как в той известной поговорке, не получился. Вкусный такой, с хрустящим краешком. А ароматный какой!

Я блин с удовольствием съел, и снова кружкой из ведра теста на каток плеснул.

Смотрю, мужики наши — кто из машин повылазил, кто лопаты бросил — ко мне идут. На запахах, значит. И не смеётся уже никто, и глупым не обзывается.

Первым бригадир подходит.

— Ну как, Алексей, — спрашивает, — съедобно?

— А ты попробуй, — отвечаю и второй блин ему даю на ножичке, чтоб не обжёгся.

Сам уж третий готовлю. Остальные мужики смотрят, ждут. А бригадир у нас был дядька вдумчивый. Он пока не доел, слова своего не сказал. Ножик вернул, головой кивнул одобрительно.

— Молодец, — говорит, — Лёша. Хорошо готовишь.

Тут-то все и налетели, как вороны. Мне, кричат, делай! Нет, мне первому!

От половины ведра теста за полчаса ничего не оставили!

И ты представляешь, каток мой после блинов завёлся...

Так и повелось у нас с тех пор. Бригада выезжает на участок — мой каток не едет, пока блинов на нём не испечешь. Точнее, не на нём, а на ней. Мужики мой каток кормилицей Катей назвали. За наши с ней кулинарные способности.

Вот мы с Катей моей весь сезон до самого ноября так и проработали. И на следующий год тоже.

А ещё через год случился тот самый ужасный май, про который я тебе сегодня говорил. Со снегопадом, холодом и даже с гололёдом.

Мы тогда думали, что нам начальник выходные даст, но он не согласился.

— Вы что, — сказал, — бездельники, придумали? Дороги не отремонтированные, аварии из-за ям на них каждый день, а вы себе отдых решили устроить?

Что делать? Пошли работать.

А холодно на улице так, что руки в ледышки превращаются. Тесто-то для блинов я в кабине намешал, а жарить блинчики всё равно на улице.

Дай-ка, думаю, чайком сперва согреюсь, а уж потом за дело примусь.

Кружка у меня была оловянная, ещё дед с войны принёс. Ну, я в неё заварочки щепотку кинул, воды налил и на Катину колесо поставил. А потом меня бригадир чего-то позвал. Я про кружку-то и забыл.

Когда вернулся, смотрю — кружки на Кате нет, а только застывшая оловянная лужица под колесом блестит. Ах, думаю, беда! Расплавилась моя главная посуда.

Но это ещё не самое страшное было.

— А что самое страшное? — испугался я.

— А то, Вовка, — сказал дядя Лёша, — что колесо оказалось холодным. Мы весь день с мужиками пытались мою Катю работать заставить, а она — ни в какую! Не то что б поехала, даже колеса не нагрела.

И потом, когда её в ремонтные мастерские увезли, тамошние механики ничего сделать не смогли. Всё, говорят, с твоим катком нормально. Но не заводится, хоть ты тресни! Пора на металлолом сдавать.

Жалко мне было, Вовка, Катю на металлолом отдавать. Привык я к ней за два года, как к своей напарнице. Подружились мы. Я даже с ней разговаривал. Но только тихонечко, чтоб никто не слышал. Ведь не поверят же, опять глупым называть станут. А она живая.

— И что, она вам отвечала? — изумился я.

— Конечно, отвечала, — грустно посмотрел на меня дядя Лёша. — Как бы я с ней, по-твоему, беседовал?

— Ну, не знаю, — пожал я плечами, — мысленно.

— Ишь какое слово — мысленно! — улыбнулся дядя Лёша. — Нет Вовка. Говорили мы с Катей по-настоящему. Как с тобой сейчас...

Дядя Лёша помолчал. Налил себе и мне ещё чаю, взял пряник, постучал им по блюдцу, а потом вдруг проговорил:

— А знаешь, Вовка, что Катя мне сказала, когда на её колесе моя кружка расплавилась?

— Нет, откуда ж мне знать? — покачал я головой.

— А сказала она: «Обиделась я на тебя, Лёша, за твою невнимательность. И работать с тобой больше не буду».

— Что, так и сказала? — изумился я.

— Так и сказала, — кивнул дядя Лёша. — Настоящая женщина, прямо как моя жена.

А мне пришлось уволиться и устроиться на маршрутное такси. Катя, кстати, после моего ухода снова заработала. Только больше она блинов не печёт и ни с кем не разговаривает. Так, асфальт укатывает и ничего больше не делает.

Я не ответил. Задумался и даже немножко загрустил.

А потом в дверь позвонили — бабушка пришла. Похвалила нас с дядей Лёшей, что мы хорошо себя вели, и дала нам по маленькой шоколадке.

Пока бабуля варила суп, а я с дядей Лёшей ел в своей комнате шоколад, он мне ещё рассказал, почему ремонтирует свой мотоцикл в подъезде, а не в гараже.

Оказывается, его мотоцикл называется «мопед Верховина», и он тоже женщина, и зовут эту женщину Верочка. Старенькая, лет двадцати. И в гараже ей холодно, потому что там нет ни батареи, ни печки. А дядя Лёша боится, если Верочку заморозишь, она обидится, как Катя и тоже перестанет с ним разговаривать.

И я боюсь. Боюсь, что их соседи выгонят. Потому что дядя Лёша обещал, что Верочка и со мной поговорит. Когда-нибудь.

Я торопить их не стану, буду ждать. Хоть целый месяц!

Конструктор-то, помнится, дольше ждал.

Самый маленький принц

(история четвёртая, сказочно-романтическая)

Вчера в детском саду наша воспитательница Валентина Антоновна спрашивала нас, кем мы хотим стать, когда вырастем.

Ох, и смеялся же я!

Все наши девочки, кроме Катьки Галкиной, сказали, что хотят быть артистками или певицами. Катя же хочет стать воспитательницей. Я знаю, у неё получится: она так смотрит на нас, других детей, что даже суп с капустой хочется доесть до последней капли.

Мальчики мечтают быть — кто шофёрами, кто — солдатами, а мой друг Серёжка — директором завода, на котором его папа работает. Чтобы папу начальником цеха сделать.

Когда же спросили меня, то я честно сказал, что не знаю. Нет, не потому, что совсем не знаю, а потому, что до сих пор не могу выбрать между электриком и художником.

Я как-то спросил у своего папы — зачем нужны художники? Ведь они рисуют свои картинки и совсем ничего полезного для остальных людей не делают. Урожай в полях не собирают, асфальт не ремонтируют, бабушек с детьми в трамваях и автобусах не возят, мальчиков и девочек в школе не учат и совсем никого не лечат. Папа сначала рассмеялся, а потом совершенно серьёзно ответил, что художники очень нужны! Они несут людям свет.

Я сначала долго думал над его словами, а потом спросил:

— Как это — несут людям свет?

— Ну, Вовка... — ответил папа. — Вырастешь — узнаешь.

Тогда я снова спросил:

— А кто, кроме художников, ещё людям свет несёт?

Папа наморщил лоб, помолчал немного и сказал:

— Кроме художников, только электрики, Вовка. Извини, больше никого не припомнил.

Честно говоря, про электриков я и сам догадывался. Вот у нас в подъезде, например, когда лампочка перегорит, то через неделю обязательно приходит электрик из домоуправления и ставит новую. А все соседи потом говорят:

— Ну, наконец-то у нас снова светло стало!

И никто больше плохими словами не ругается.

А вот с художниками я ничего, если честно, не понял. Но раз папа сказал, то так оно и есть. Подросту — узнаю.

Потом я мучил всех своих — кем они хотели стать, когда были маленькими. Бабушка, которая забирала меня из сада, сказала, что она мечтала стать учительницей. А выучилась на библиотекаря. А потом вообще стала пенсионеркой. Пенсионеры — это такие старенькие люди, которым на работу ходить не надо, а денежки им всё равно платят.

Мама же наоборот хотела быть библиотекарем, чтоб на работе сказки читать, а стала архитектором. Она придумывает красивые дома и, по-моему, вполне довольна.

Папа мечтал о космосе, но стал редактором. Сидит в своей газете и решает, какую статью можно печатать, а какую нельзя. Скучота, по-моему. Я его газету один раз читал — ничего интересного. Думаю, это потому, что папа до сих пор в космос хочет и в своей дурацкой газете не очень хорошо работает. Но я об этом никому, кроме вас, не скажу.

Но больше всех удивила меня Женька.

Я уже говорил, что почти все девочки из нашей детсадовской группы хотят стать артистками? Так вот, все Женины подружки-одноклассницы мечтают стать моделями. Ха-ха-ха! Вы думаете, что модели — это такие маленькие машинки, кораблики или самолётики, очень похожие на настоящие? А вот и нет! Машинки с самолётками — это модельки! А модели — это такие худенькие тётеньки, которые смешно ходят в телевизоре и все им за это хлопают.

Бабушка говорит, что эти тётеньки-модели оттого такие тощенькие, что даже овсянку не кушают, а только яблоки с грушами, огурцы и апельсины. Им даже шашлык, какой мы летом на даче делаем, есть нельзя. Потому что они сразу станут толстыми и их с телевизора выгонят. Ужас, да? И чего тогда Женькины подружки в модели рвутся? Не понимаю.

Моя сестра гораздо умнее. Она хоть иногда обидно и обзывается, я её всё равно люблю. И она меня любит. И шашлык любит, и торт. Яблоки с апельсинами, конечно, тоже любит. Но это так, когда хочется. Таких как Женя в модели не берут.

Так вот, Женька хочет стать наездницей. Она уже два года по вторникам, четвергам и субботам отправляется на несколько часов в пригородную конюшню. Там она с другими девочками и мальчиками ухаживает за лошадьми и на них катается. У них даже соревнования бывают. Летом на улице, а зимой в манеже — в таком большом зале, размером почти со стадион. Я несколько раз видел, когда мы всей семьёй ездили за неё болеть.

Женину лошадь, на которой она тренируется и соревнуется, зовут Белочка. Не потому, что у неё хвост пушистый и она шишки грызть любит, а потому что она вся белая. Вот! И Женя в своём чёрном пиджачке и красной каске на ней очень красиво смотрится. Гораздо красивее, чем тётеньки-модели из телевизора.

Папа говорит, что Белочка — маленькая лошадка. Он даже породу называл, но я не запомнил. Я думаю, папа опять, как всегда, шутит. Белочка очень большая! А маленькие — это пони. Я на таких летом в парке катаюсь.

Женькина ж Белочка этих понь... нет... как правильно? Поней? Она их выше на две головы. Какая ж она маленькая? И через заборчики прыгает здорово. И через канавы с водой. А Женя моя — молодец, почти не падает. Только два раза. У меня б, наверное, так не получилось.

Так вот. Женя хочет стать наездницей. Правильно это называется — жокеем.

Но история, которую я хочу сегодня вам рассказать, совсем не о том, кто кем мечтает быть, когда вырастет. История о том, как моя родная сестра чуть не стала принцессой. И не какой-нибудь понарошечной Золушкой из школьного спектакля, а самой настоящей...

Прошлой весной, когда у школьников были каникулы, Женя со своей Белочкой ездили на соревнования в Москву. Конечно, ездили они не одни. Были с ними и тренеры, и другие ребята, всего — человек десять, включая лошадей. То есть, люди, конечно же, не лошади, но всех вместе их было штук десять. И лошади ехали хоть и на поезде, но в специальном вагоне. Кто ж их в купе пустит? Они ж большие! И какают прямо на пол. Проводница бы заругалась.

Так вот, соревнования в Москве были огромные. Со всей страны ребята с лошадьми понаехали, чтобы узнать кто из них лучший жокей. И чья лошадь самая хорошая.

Скажу сразу, что Женька с Белочкой заняли двадцать третье место и никакой медали не получили. Но сестра совсем не расстроилась. Наоборот, приехала очень довольная и счастливая.

Почему, спросите? Всё очень просто. Какая б девчонка не стала довольной и счастливой, если б не познакомилась с принцем?

А дело было так.

До Москвы добираться от нашего города не очень долго. Поезд отправляется вечером, а утром он уже в Москве. Но и одной ночи хватит, чтобы лошадь заскучала по своему дому.

Женя со своими друзьями это знают, поэтому, когда поезд тронулся, они всей гурьбой пошли в вагон, где ехали лошади. Чтобы животные поменьше боялись. Они же не люди и не знают, что такое Москва и чем она отличается от их конюшни.

В общем, когда ребята пришли в вагон к своим питомцам, те встретили их радостным ржанием. Наверное, поняли, что теперь всё будет хорошо и ничего не случится. Целый час ребята ухаживали за лошадьми — покормили их, напоили водой, почистили, погладили, поговорили.

Вы рассмеётесь, как это с животными можно говорить? Ну и напрасно. Животные, они как люди. Такие же умные и всё понимают. Только сказать ничего не могут. Потому что русский язык очень трудный, не для лошадей он придумывался. Это Женя так говорит. И я ей верю, она никогда не врёт.

Так вот. Успокоив своих животных друзей, все ребята ушли в человеческий вагон. Осталась только Женька. Уж очень она любит свою Белочку. И тогда решила задержаться, чтобы с ней ещё полчасика побыть.

Я уж не знаю, о чём они там с лошадью разговаривали, но только смотрит вдруг Женя, а рядышком на перевёрнутом ведре малюсенький и очень странно одетый дяденька сидит и с интересом их беседу слушает. Нет, не правильно я сказал. Не малюсенький, а совсем крохотный, как мальчик-с-пальчик из старинной сказки. И не дяденька вовсе, а... Как таких называют, когда уже не мальчик, но ещё и не взрослый? Ну, в общем, вы меня поняли.

Женька с Белочкой, конечно же, удивились. То есть, Белочка в это время сено кушала, а удивилась только Женя. Да так сильно, что чуть язык не проглотила.

А этот, уже не мальчик, но ещё не дяденька, и говорит:

— Здравствуйте, прекрасная незнакомка. Сколько на свете живу, в первый раз вижу, чтобы человек с животным разговаривал. Вы что, друг дружку понимаете?

А Женька молчит в волнении. Слова выдать из себя не может. То кивает головой, то наоборот, из стороны в сторону покачивает. Только через минуту опомнилась.

— Я Белочке чего-нибудь рассказываю, — говорит, — а она меня слушает. Не знаю, понимает она человеческую речь или нет. Но, кажется, понимает... А вы кто?

Станный человек сразу же покраснел, потом на ножки вскочил, каблучками своих сапожек крохотных, блестящих, щёлкнул, расшитый золотом синий плащик-накидочку расправил, поклонился и говорит:

— Простите меня великодушно! Совсем забыл представиться. Я Александр Фирменный, наследный принц этого поезда... Для друзей просто Шурик.

Женька конечно же рассмеялась. А принц не понял, обиделся.

— И чего тут смешного? — спрашивает. — То, что близкие друзья меня зовут по имени, а не вашим высочеством?

— Да нет, — отмахнулась Женя, — мне просто ваше прозвище — Фирменный — очень понравилось. Как шоколад.

— Ну уж, знаете! — совсем обиделся принц, поправил на своей головке крохотную корону размером с колечко и прыгнул с ведра. — Фирменный — это, между прочим, не прозвище, а династия. Наследный титул. Наше королевство называется — Фирменный поезд, отца моего — король Александр Первый Фирменный... И ничего общего у нас ни с каким вашим шоколадом нет. Ясно вам?

— Простите, пожалуйста! — опомнилась моя сестра. — Я совсем не хотела вас обидеть! Просто... просто... Меня, кстати, Женей зовут.

— Очень приятно, Женя, — улыбнулся принц. Он оказался совсем не злопамятным. — А могу я попросить вас об одной услуге?

— Для вашего высочества — всё, что угодно, — поклонилась ему Женька. Она у меня много читает, поэтому знает, как себя вести с королевскими особами.

— Тогда возьмите меня осторожно и посадите на спину вашей замечательной лошадке. Я с детства мечтал. Я ведь всё-таки принц... А белого коня у меня никогда не было. Редко водятся они в нашем королевстве. Я б сказал, сегодня в первый раз только и завелись.

— С удовольствием, — обрадовалась Женька.

Она осторожно подняла кроху-принца с пола и усадила Белочке на спину. А та даже не почувствовала. Такого-то малыша!

— Здорово, — говорит принц. — Вы, Женя, исполнили самую главную мечту всей моей жизни. Просите, что хотите! Только в пределах разумного, я всё-таки не волшебник! Хотите, например, стать принцессой?

— Хочу, например! — воскликнула Женька.

А принц Александр, который до сих пор на Белочкиной спине находится, встает вдруг на ноги, потом опускается на одно колено, протягивает ей свою малюсенькую ручку и торжественно говорит:

— Прошу вас, Женя, будьте моей женой! Отдаю вам свою руку и сердце...

И вот тут-то Женька испугалась. Ведь это она для меня большая, а для того, чтоб женой становиться ещё совсем маленькая. Ей, конечно, принцессой очень хотелось стать, но что скажут папа с мамой?

— Простите меня, Шурик, — ответила Женя принцу. — Вы мне очень нравитесь, правда! Но я пока не могу принять вашу руку и сердце. Мне ещё вырасти и школу закончить надо.

— Ну и хорошо, — улыбнулся ей принц, поднялся с колена и снова уселся на Белочку. — Я и сам не тороплюсь обзаводиться семьёй. Мой отец ещё совсем не старый, поэтому королём я тоже буду не скоро. Вы, Женя, не сильно спешите. Растите, заканчивайте свою школу, а я пока научусь королевством править. Тоже, между прочим, дело нелёгкое. А сейчас снимите меня со своей лошади, устал я на ней находиться, боюсь шлёпнуться... Да и поздно уже, спать пора.

— Да, поздно, — сказала Женька, посмотрев на свои часики. — Мне тоже надо в купе возвращаться.

Так они и расстались.

Потом были соревнования в Москве, на которых Женя не победила, но не расстроилась — ещё все впереди. Потом экскурсии всякие — в Кремль, в музей, в галерею с картинами — не помню, как она называется. А потом время пришло домой ехать.

Возвращалась Женькина команда из Москвы в том же поезде. Лошадей опять разместили в их скотовозном вагоне, и ребята, как и в прошлый раз, до самого вечера за своими животными ухаживали. И Женька снова задержалась с Белочкой дольше всех.

На самом деле она ждала, что её придёт навестить принц Александр — так он ей сильно понравился, хоть и мелкий совсем. Но принц не появился. Наверное, очень занят был — учился королевством править.

В общем, Женя и ушла спать в купе, так и не дождавшись своего Шурика Фирменного.

А утром, когда поезд уже подъезжал к нашему городу, и проводница всех разбудила, Женька нашла на своей подушке малюсенькую золотую корону.

Шурик всё-таки приходил! Не забыл мою сестру! Но будить не стал, пожалел. А чтобы Женя знала, что принц её помнит и ждёт после окончания школы в принцессы, оставил такой замечательный подарок.

С тех пор она подарок принца Александра Фирменного — ту самую крохотную золотую корону — носит вместо колечка на пальце и мечтает поскорее вырасти.

Вот только историю эту она мне по секрету от мамы с папой рассказала. Потому что родители считают, что Женька, когда станет взрослой, будет работать жокеем, а не принцессой.

И вы, смотрите, не проговоритесь. Хорошо?

Лисичка и колобок

(история пятая, волшебно-детективная)

В прошлую пятницу в нашем садике начался конкурс на лучшую фигурку из пластилина. Не очень-то я его ждал, если честно. Но тут уж ничего не поделаешь.

Моя бабушка считает, что я неплохо леплю, но я почему-то всё равно ей не верю. Мама с папой о моих поделках ничего не говорят. И даже Женька молчит. Почему? Потому что нормальные взрослые не любят огорчать детей. А у меня хорошо получаются только колбаски и колобки.

Так вот, позавчера все дети из нашей группы свои работы сдали. Валя Матвеева сделала белого гуся, Андрей Иванов — синий танк со спичкой вместо дула, Вася Семёнов — красную рыбу, Оля Серёгина — домик с трубой, Катя Галкина — оранжевую лисичку... Даже мой друг Серёжка слепил своего знакомого бегемота. А я...

Я так ничего и не придумал.

Воспитательница Марина Александровна всех похвалила. Даже меня. Сказала, что я ещё обязательно себя покажу. И зачем-то добавила:

— Не в скульптуре, так в живописи.

Как будто пластилиновые фигурки — это памятники, а мои смешные каля-малякалы на бумаге — настоящие картины. Я не глупый. Понимаю, что она просто хотела меня утешить.

Мой папа говорит, что я хоть и не взрослый, но уже мужчина. А настоящий мужчина никогда не покажет, как он расстраивается. Я и не показывал, что мне грустно. Но все почему-то и так заметили. Наверное, я пока не совсем настоящий мужчина. Хорошо ещё, что никто не обзывался и не дразнился. Группа у нас дружная. А Катька Галкина подошла ко мне, взяла за руку и сказала:

— Ты, Вова, очень хороший мальчик. И если ты хочешь, я помогу тебе вылепить что угодно. Хоть слона. Согласен?

Я сначала обрадовался, а потом мне стало стыдно. Я вытащил свою ладошку из Катиной и тихонько ответил:

— Спасибо, Галкина. Ты тоже хорошая. Но если ты мне слона слепишь, это будет не вправду моя фигурка. А я не хочу никого обманывать.

— Не надо никого обманывать, Вова, — сказала Катька. — Давай мы с тобой двойную фигурку сделаем — мою лисичку и... Ты ведь колобков здорово лепишь, правда?...

И тут я всё понял!

Сама по себе Катькина лиса красивая, но не очень-то интересная. Мой же колобок — это интересно, но что в нём красивого? А так — получится настоящая сказка!

— Катя, я согласен! — обрадовался я.

— Вот и хорошо, — улыбнулась Галкина. — Ты пока лепи своего колобка, а я картонку вырежу, куда мы его с моей лисичкой посадим.

И убежала в другой конец зала, где в шкафу лежат всякие полезные штуки для аппликаций. Ножницы там, картонки, бумага цветная.

Я взял со стола жёлтый кусок пластилина, отломил от него половину и быстро в ладошках скатал настоящего колобка. Потом незаметно вытащил из синего Андрюшкиного танка спичку и этой самой спичкой нарисовал на колобке глазки, ротик и носик. Потом так же незаметно вернул дуло танку.

А тут и Катька вернулась с овальной зелёной картонкой.

— Ну что, — спрашивает меня, — скатал?

Я ей вместо ответа на ладошке своего колобка протягиваю.

— Ух ты, какой хорошенький! — осторожно взяла его пальчиками Галкина.

Потом мы посадили её лисичку и моего колобка на картонку, и у нас получилась настоящая композиция. Это трудное слово мне давным-давно мама сказала, она у меня архитектор.

Марина Александровна посмотрела на нашу с Катькой работу, покачала головой, потом собрала вокруг себя всех ребят и сказала:

— Вот, дети, посмотрите на работу Кати и Вовы. Они объединили свои фантазии и показали, как настоящая дружба может привести к победе. Катя! Володя! Ребята! Мне кажется, что «Лисичка и колобок» — это первое место в нашем конкурсе.

— Да, — сказали почти все ребята, — нам тоже нравится.

Только Андрюша Иванов тихонько прошептал:

— Всё равно мой танк лучше.

И ему присудили почётное второе место.

Вечером, когда нас забирали из садика, мы с бабушкой и Катька со своим дедушкой шли домой вместе. То есть, мы с Галкиной бодро шагали впереди, а её дедушка с моей бабушкой медленно плелись за нами.

Я не говорил, что мы с Катей живём в одном доме? Только подъезды у нас разные. У меня — третий, а у неё — первый. Мы даже иногда гуляем вместе. Зимой — на горке, летом — на качелях. Только это когда во дворе других мальчиков и девочек нет. А вообще, мы с Галкиной тихонько

дружим. Уже давно, с прошлой зимы ещё. Но никто об этом не знает — засмеют и задразнят женихом с невестой. Потому что все считают, что мальчики должны дружить только с мальчиками, а девочки — с девочками.

Так вот, мы с Катькой шли впереди и радовались своей победе на конкурсе пластилиновых фигурок. О том, как мы составили из её лисички и моего колобка настоящую сказочную композицию. И ещё о том, что мы правильно заняли первое место, потому что Андрюше Иванову его синий танк папа слепил (он сам об этом моему другу Серёже по бо-ольшому секрету сказал).

А ещё мы с Галкиной договорились дружить теперь не тихонечко, а по-настоящему, громко. Пусть все видят. И пусть обзываются, если хотят. Ведь кто как обзывается, тот сам так и называется...

Следующим утром, когда Женя привела меня в садик, я, переодевшись, бегом бросился к столику, на котором вчера Марина Александровна устроила выставку наших пластилиновых фигурок. Катька, которая пришла раньше меня, уже там стояла и молча смотрела на поделки ребят. Увидев меня, она даже не поздоровалась, а сразу сказала, ткнув пальцем в нашу работу:

— Погляди, Вовка... Ты чего-нибудь понимаешь?

Я проследил взглядом за её пальцем и... На зелёной овальной картонке моего колобка не было. Зато Катькина лиса сидела с таким животом, будто она проглотила воздушный шарик. Шарик? Не может быть!

— Кать, она что, съела моего колобка? Но... она же...

— Понарошечная! — воскликнула Галкина. — Я её сама из пластилина слепила!

Потихонечку к нам присоединялись ребята, которых приводили в садик позже. Все они становились рядышком и молча смотрели на жирную Катькину лису и то пустое место, что осталось от моего колобка. А Иванов сказал, что так нам и надо. Он до сих пор обижался за то, что не победил в конкурсе.

Мы не сразу заметили, как подошла Марина Александровна. А когда она спросила: «Вы чего здесь столпились? Любуетесь?», то Галкина ей все рассказала.

Сначала воспитательница нам не поверила, но потом, внимательно посмотрев на Катину лисичку, она сняла очки, потерла нос и произнесла:

— Мда... Удивительное дело... Или чья-то глупая шутка, — и обвела всех ребят строгим взглядом.

Но никто в глупой шутке не признался. И не покраснел. Значит, оставалось удивительное дело. Катькина лиса действительно съела моего колобка. Наверное, ночью. Пока никто не видел.

— А вы знаете что? — сказала Марина Александровна.

— Что? — спросили мы с Галкиной в один голос.

— А вы слепите ещё одного колобка, — улыбнулась воспитательница. — Володя, тебе ведь это не трудно?

— Нет, Марина Александровна, — весело сказал я, — мне не трудно! — и, открыв ящик, взял последний кусочек жёлтого пластилина.

Ротик, носик и глазки пришлось опять рисовать дулом Андрюшкиного танка. Но этого никто не заметил, потому что все, кроме нас с Катей уже разошлись по своим делам: кто — в куклы играть, кто — в машинки. А нянечка Лена уже накрывала столики к завтраку.

Колобка я смастерил быстро. Посадил его на прежнее место, рядышком с сильно растолстевшей лисичкой. Мы с Галкиной немножко полюбовались восстановленной композицией и, когда всех позвали на завтрак, пошли кушать манную кашу с молоком и пряниками...

На улице было холодно, поэтому мы всё утро до самого обеда провели в группе. Катька с другими девчонками играла то ли в школу, то ли в дочки-матери. Мы с Серёжей сначала покатали машинки, потом построили из кубиков крепость, а потом вместе с другими мальчиками играли в «Сыщиков и вора». Я был главным сыщиком, а Иванов, тот самый, которому папа слепил синий танк, вором. Он как бы украл запасные очки у Марины Александровны. И я его довольно быстро поймал. А Серёжа заставил Андрюшку признаться. Он у меня настырный, может вывести на чистую воду даже самого хитрого жулика.

Время от времени я подходил к столику с выставкой пластилиновых фигурок, чтобы посмотреть, как там поживает наша парочка — лисичка и колобок. Всё было в порядке. Растолстевшая после первого колобка пластилиновая хищница сидела посреди картонки, новый колобок весело улыбался рядышком.

Потом мы обедали. Наконец-то дали суп без капусты — гороховый. И мы с Серёжкой ему радовались, как возвращению старого приятеля.

После обеда настал тихий час. Марина Александровна прочитала нам сказку про тараканище, и мы мирно уснули.

Если честно, мирно уснули все, кроме меня и Катьки. Не могу сказать почему, но мне казалось, что должно с нашими питомцами — я имею в виду лису с колобком — что-то произойти. Почему не могла заснуть Катя? Догадайтесь!

Но, в конце концов, и меня сморило.

Когда же тихий час закончился, и нас разбудила Валентина Антоновна, пришедшая на смену Марине Александровне, я оделся и первым делом побежал к нашей выставке.

Катька была уже там. Заметив меня, она задумчиво произнесла:

— Ничего не понимаю, Вова.

Я посмотрел на нашу поделку и, не удержавшись, вскрикнул:

— Ой!

Посреди зелёной картонки сидела толстенная, ещё толще, чем утром, Катина лиса. Второй колобок бесследно исчез.

К нам подошёл Серёжа. За ним следом подтянулись и другие ребята.

— Так вам и надо, — злорадно сказал Андрюша Иванов. — Сделали свирепую обжору, теперь она всех слопаёт!

— А вот и не всех! — обиделась Катя. — А вот и не слопаёт!

— Иди отсюда! — заступился за нас с Катей Серёжа. — У людей и так большое горе.

Иванов махнул рукой и отошёл. Серёжа похлопал меня по плечу. Я легонько щелкнул Катю по носу, и она успокоилась.

— Не переживай, Галкина, — сказал я, — сейчас мы сделаем чёрного колобка, его уж точно лиса есть не станет. Подумает, что подгорелый.

Так мы и поступили...

Сегодня утром, когда меня привели в садик, я, переодевшись, первым делом бросился к нашим пластилиновым фигуркам. Кати ещё не было, зато Серёжа уже оказался на месте.

— О, Вовка! — весело крикнул он, увидев меня. — У вас тут новый фокус.

«Фокус» я уже разглядел и без него.

Нет, вы не подумайте, чёрный колобок никуда не исчез. Как я его вчера положил на картонку, так он и лежал.

Пропала лисичка...

— Вов, ты ведь умеешь читать, чего там написано? — спросил Серёжка.

И тут я заметил, что на зелёном овальном поле, которое вырезала Катька под нашу с ней сказочную композицию, что-то написано. Простым карандашом и мелкими корявыми буквами. Я прочитал по слогам:

— «Такой ни ем. Пашла за рыбой. Леса».

А тут и Галкина подошла.

— Мальчики, привет, — вежливо поздоровалась она. — Опять нашего колобка съели?

— Хуже, — ответил я и перечитал ей записку, оставленную лисой.

— Пойдите! — вскрикнула Катька. — У нас же здесь была одна рыба! Ну? Вася Семёнов слепил.

Васина красная рыба бесследно исчезла. Вместо неё на бумажке тем же почерком, что и на нашей картонке было написано: «Отчень вкусна, но слишком мала. Пашла ескать писчью. Леса».

Рыбу слопала и пропала. Вот, хитрая хищница!

Мы всей группой искали Катину лису почти до самого обеда. Заглядывали под шкафы и кровати, перевернули вверх дном все ящики с игрушками, излазили подоконники, смотрели под ковром... Не нашли.

Лисичка исчезла бесследно...

А после тихого часа к нам в комнату пришла воспитательница из другой группы. Кажется, из старшей. Мы с Серёжкой рядом с ней и нашей Мариной Александровной строили из кубиков башню, поэтому слышали, о чём они говорили:

— Представляешь, Марин, — говорила чужая воспитательница, — у нас в группе с выставки пластилиновых фигурок пропал зайчик, а какой-то негодяй оставил записку. Так, где она? Ага, вот!

Воспитательница достала из кармана бумажку и прочитала:

— «Вкузный был заец, но чюток малават. Леса». Шутник! Ещё и безграмотный.

— Ты, знаешь, Наташ, и в нашей группе...

О чём они дальше говорили, мы не слышали, потому что Марина Александровна вывела чужую воспитательницу в раздевалку. Но нам и так всё было ясно. Катькина лиса пошла по садику в поисках добычи. Посмотрите, какой прожорливой оказалась!

Катя, когда я рассказал ей по дороге домой про разговор воспитательниц, тяжело вздохнула и ответила:

— Ладно, Вовка. Мы с тобой первое место заняли, и это главное. А если будет ещё какой-нибудь конкурс пластилиновых поделок, мы лучше бабочек слепим. Они пыльцой с цветов питаются.

— Или — моль, — ответил я. — Пусть наш ковёр ест — он большой и старый. И его не жалко.

— Точно! — рассмеялась Галкина. — И не нужен скоро будет!

— Почему не нужен? — удивился я.

— Потому что весна через три дня начинается, тепло придёт, — ответила Катя. — А когда наступает тепло, всегда ковры убирают... Или я что-то путаю?

Будильник наоборот

(история шестая, волшебно-загадочная)

Всё началось в прошлые выходные.

И началось с того, что меня забыли дома.

То есть я, конечно же, не рюкзак какой-нибудь или зонтик, и меня не то что забыли, а просто оставили одного, заперли снаружи дверь на ключ и ушли. Все: и папа, и мама, и Женя. И даже бабушка. Пусть она с нами не живёт, но мне тогда показалось, что сквозь сон я слышал, как бабуля говорила:

— Экий засоня! И ведь не добудишься его, хоть из чайника поливай!

— Мам, не надо из чайника, сегодня воскресенье, — раздался далёкий папин голос, — пусть дрыхнет. Всё самое интересное проспит: и парк, и цирк...

И я снова провалился в глубокий сон...

...и парк... и цирк...

...всё проспит...

И парк, и цирк!

Я вскочил с кровати, чуть не упал, запнувшись о тапки, и бегом бросился на кухню. Никого. В родительской спальне — тоже.

— Эй! — громко позвал я. — Есть кто дома? — прислушался. Тишина. — Ау-у?!

Посмотрел на часы в прихожей на стене — время я уже год как понимаю, но только по часам с цифирками, а не со стрелочками, — двенадцать — двадцать четыре... Ой-ой-ой! Обедать скоро пора придёт, а я ещё не завтракал...

И тут телефон заверещал. Я вздрогнул, но сразу же опомнился и схватил трубку.

— Алё! — закричал я в неё.

— Ты проснулся, соня? — ласково спросила мама.

— Только что, — ответил я. — А вы куда все подевались?

— Я у тёти Наташи, бабушка к себе поехала, а папа с Женей гулять пошли. Сегодня ж День города. В парке и на центральной площади куча разных представлений и аттракционов...

— А я? — перебил я маму. — Как же я? Я тоже гулять хочу!

— Ну-у, дорогой мой... — протянула мама, — раньше вставать надо. Кстати, и ложиться пораньше не помешало б. Кто до часу ночи мультики смотрел?

— Вчера мне просто спать ну нисколько не хотелось. А се... се... — я аж задохнулся от возмущения, — сегодня вы меня даже не разбудили! В чём я виноват?

— Ни в чём ты не виноват, — успокоила меня мама. — Сегодня, как и вчера, выходной. Поэтому все отдыхают. Как хотят. Кто желает развлекаться — развлекается, кто решил поспать... — и тут мама смешно сказала почти моим голосом: — «ну ещё минуточку!» — тот спит. Ты что ж, думаешь, мы тебя не будили? Нет, дорогуша, пытались поднять с кровати все вместе и каждый по очереди. Какое там! В общем... В общем, мы решили, что тебе интереснее провести День города в постели, а потом перед твоим любимым телевизором. Я не права?

— Ты... ты... ты мама! — крикнул я в трубку.

А мама спокойно ответила:

— Я уже одиннадцать лет, как мама. Из них почти семь — твоя. Кстати, молоко в чашке на столе, сырники в микроволновке... Ты ведь ещё не завтракал?

— Не завтракал, — уныло проговорил я, понимая, что и парк, и цирк сегодня будут веселиться без меня.

— Вот и завтракай на здоровье, — вздохнула мама. — А потом, если хочешь, позвони папе на мобильный. Может, они с Женей за тобой зайдут. А может, и нет. Я вернусь вечером. Кстати, если останешься дома, на обед — щи. В холодильнике, в маленькой кастрюльке. Разогреешь сам. Понял?

— Понял, — печально произнёс я. — А кроме щей ничего нет? Ты же знаешь, что я варёную капусту не лю...

— Придётся полюбить, мой милый. Готового, кроме щей, ничего нет, — перебила меня мама. — Ну, всё. Пока, зайка. Если что серьёзное, звони. Целую.

— Целую, — ответил я, но из трубки уже слышались только короткие гудки.

Вот так!

Никто вроде бы меня не наказывал. И всё равно обидно-то, ужас! Папа с Женей ушли развлекаться, а я... Я замечательно выспался. На кого злиться?

Кстати, если кто не знает, сырники только тогда вкусные, когда сразу со сковородки. Они внутри такие мягкие, почти жиденькие, а снаружи покрыты хрустящей корочкой. Подогретые в микроволновке они совсем другие. Сладкие, тёплые, есть их, конечно же, можно, но удовольствия никакого. Да и папа по телефону сказал — я ему сразу же после разговора с мамой позвонил — мол, смотри праздник по телевизору, а они с Женькой уже в цирке, поэтому говорить он больше не может: через три минуты представление начинается.

Щей на обед мне совсем не хотелось, поэтому я половину сырников съел, а вторую накрыл салфеткой и оставил на столе. Полчашки молока тоже спрятал под крышечкой. Эх, что за выходной? И грустно, и голодно... Хорошо, что у меня в письменном столе шоколадка спрятана, которую бабушка вчера подарила, а то б совсем невоготу стало.

Смотреть День города по телевизору было бы очень грустно, поэтому я пощелкал пультом и нашёл детский канал, по которому безостановочно крутили мультики. Но и мультфильмы в то воскресенье меня не радовали — все какие-то старые и неинтересные, виданные уже сотню раз.

Да ещё и раздававшиеся через открытую форточку радостные голоса с улицы настроение моё не улучшили. Мы живём почти в самом центре города, поэтому все гуляющие по праздникам люди идут мимо нашего дома — кто на площадь, кто в парк. И все кричат, поют и смеются. А вечером ещё и салюты запускают. Красотища! Но до этой красотищи, подумал я тогда, мне не дожить.

Я выключил телевизор, осторожно раскрыл шоколадную обёртку и, откусив маленький кусочек от плитки, начал скучать.

Скука — самая страшная вещь на свете. Хуже только война — я в кино видел. Хорошо, что сейчас мир. И плохо, что совсем нечем заняться. А уж когда шоколадка кончится, тогда...

Додумать свои печальные мысли я не успел, потому что услышал, как из прихожей сначала заскрежетало, а потом громко захлопнулась входная дверь. Я даже не испугался, потому что тут же раздался самый родной и самый любимый голос на свете:

— Володенька! Это я! Милый, ты проснулся?

— Бабушка! — я спрыгнул с дивана и рванул в коридор, на ходу крича: — Бабушка моя! Как здорово, что ты пришла! А я... а я... меня все...

— Тихо, тихо, тихо, — успокоила меня бабуля, присев на корточки и ласково обняв. — Ты меня только шоколадом не испачкай. Очень уж плохо он отстирывается.

Я положил надкушенную плитку на тумбочку и повис на бабушкиной шее.

— Как здорово, что ты пришла! — повторял я. — Как здорово... Ты одна меня только и любишь!

— Вовка, не говори ерунды, — весело проговорила бабуля и, легонько оттолкнув меня от себя, поднялась в полный рост. — Все тебя любят. А то, что оставили одного, так ты сам виноват.

— Да знаю я, — снова погрузился я. — Мама по телефону сказала, что меня разбудить не смогли.

— Смогли бы, Вовка, — бабушка ладошкой взъерошила мне волосы, — если б сильно захотели.

— А что, не хотели? — удивился я.

— Иди-ка одевайся, — вместо ответа проговорила бабушка, — гулять пойдём, пока праздник не кончился. А про «хотели — не хотели» на улице поговорим.

Хорошо, что бабушка пришла не поздно. Мы успели с ней погулять на центральной площади. Там я проиграл чемпионат среди дошкольников в подушечных боях на бревне, но совсем не расстроился. Потому что победил меня только Серёжка, мой лучший друг, который тоже праздновал День города со своей бабушкой Мариной Александровной. Я за второе место получил пистолет с присосками, а Серёжа за первое — надувной спасательный круг для купания.

Потом мы пошли в парк, где у лотка с мороженым встретили Катю Галкину со своим дедушкой-профессором. А потом, все вместе, наевшись до отвала ванильным пломбиром, целых полчаса прыгали на батуте. Нет, вы меня не правильно поняли! Прыгали только мы с Серёжкой и Катюшкой, а наши бабушки и дедушка сидели на скамеечке и о чём-то своём разговаривали. А на паровозике, переделанном из трактора, катались мы уже с ними, со взрослыми. Совсем все вместе, если можно так говорить.

После тракторного паровозика Катин дедушка купил нам по воздушному шарик — мне тоненький зелёный, Серёже круглый синенький и красный в виде сердечка Кате. Мы два раза подряд кружились с этими шариками на карусели «Ромашка», громко визжали, и всем нам было весело и совершенно не скучно, потому что День города — самый лучший праздник после Нового года и дня рождения. Вот!

А потом, когда все очень устали гулять, Катя с дедушкой поехали на троллейбусе в гости к своим знакомым, Серёжа с бабушкой Мариной Александровной пошли в кукольный театр на спектакль «Голый король», который я уже видел в прошлом году. А мы с моей бабулей решили немножко отдохнуть на лавке, а потом наведаться в «Одно место»...

Ещё до того, как мы с Серёжей встретились на площади в подушечных боях, бабушка обещала меня сводить в одно место, чтобы купить мне там самый нужный подарок. Такой полезный, чтобы я никогда в жизни ничего больше не проспал.

— Будильник, что ли? — рассмеялся я. — Так у нас дома их целых три штуки. И все они мне не помогают.

— Будильник, будильник, — подмигнула мне бабуля. — Такой будильник я тебе подарю, который ты никогда, Вовка, в своей жизни не видел. Ты даже и не слышал о таком будильнике!

— Ну уж! — не поверил я. — Так и не слышал?

— Точно-точно, — совершенно серьёзно ответила бабушка. — Такой будильник в обычном магазине не купишь.

— Почему? — заинтересовался я.

— А потому... — тихо сказала бабушка, — что будильник этот, — бабуля перешла на еле слышный шёпот: — на-о-бо-рот!

— Это как, будильник на-о-бо-рот? — не понял я. — Засыпальник что ли?

— Ох, Володька! — рассмеялась бабушка. — Скажешь тоже — засыпальник! Хотя... главное ты...

Про «главное я...» я тогда так и не дослушал, потому что увидел Серёжу, и мы немедленно ввязались в битву на бревне. И вот теперь, когда мы распрощались с друзьями и уселись на свободную лавочку, бабушка сказала:

— Ну что, Володенька, пойдём в одно место?

— В какое? — спросил я, потому что напроць забыл про обещанный будильник наоборот.

— «Одно место» — название магазина, где и продают эти не совсем обычные штуки, — терпеливо объяснила бабуля. — Точнее, совсем необычные. Найти магазинчик очень-очень трудно, потому что он открывается только тем, кому действительно нужен.

— А ты откуда знаешь? — заинтересовался я. — Ты что, там уже что-то покупала?

— Покупала, — кивнула бабушка. — То есть, не я покупала, а моя бабушка. Мне, конечно же, когда я маленькая была. И тоже будильник наоборот.

— Правда? — загордился я. — Так значит тебя знают в «Одном месте»? Здорово! А то мне недавно было немножечко страшно.

— Чего ж ты испугался-то, милый? — улыбнулась бабушка.

— Ну-у... не то что бы испугался... А вдруг там узнают, что я праздник чуть не проспал? — покраснел я.

— Ах, это! — бабушка засмеялась. — Там и так знают. Но в обиду я тебя не дам. Обещаю!

Я никогда и не подозревал, что наш парк такой огромный. Мне всегда казалось, что он состоит из нескольких дорожек, укрытых рябинами и сиренью, да городка аттракционов, который я могу обойти с закрытыми глазами. Оказалось же, что по другую сторону от главной аллеи — там я никогда раньше не бывал — раскинулся настоящий дремучий лес.

Честно скажу, в «Одно место» попасть не просто. И путь туда ужас какой долгий и жуткий!

Бабушка держала меня за руку и вела по еле заметной тропинке, причудливо вившейся между толстенных дубов и огромных раскидистых ёлок, мрачных старых вязов и каких-то непроглядных кустов, цеплявшихся за мою курточку колючими ветками. Мне постоянно казалось, что сейчас из засады нам навстречу выскочат голодные волки или, рыча и сверкая глазами, выйдет огромный медведь. Легко сказать: «не бойся!», когда ты взрослый и сильный, как боксёр Николай Валуев. А если ты шестилетний мальчик, которому только через четыре месяца идти в первый класс? Или старенькая бабушка-пенсионерка, кого только дяденьки со скамеечки у подъезда боятся — и то потому, что после выпитого вина сами плохо ходят?

Но всё хорошо, что хорошо кончается.

После чащобы мы с бабулей наконец-то вышли на берег крохотного весёлого озера, на берегу которого пристроилась маленькая деревянная избушка с крышей, покрытой серым мхом и с кирпичной печной трубой, как у нашего дачного дома.

— Вот мы и пришли, — сказала бабушка и отпустила мою руку.

Страх от неизвестной стороны парка сразу куда-то пропал.

— «Од-но мес-то», — прочитал я по слогам слова на резной вывеске.

— Ну что, заходим? — спросила бабуля.

— Ага, — кивнул я и потянул за совершенно обычную ручку совершенно обычной двери, которая, даже не скрипнув, легко распахнулась.

Я честно совру, если скажу, что внутри магазинчика всё было, как в сказке.

Комната, как в обычном сельпо — так в деревне, где у нас дача, магазин называется. В том нашем сельпе продаются и спички, и мыло, и консервы, и даже резиновые сапоги с меховыми шапками. В «Одном месте», конечно, ни шапок, ни консервов с мылом я на полках не увидел. Да и самих полок-то не было.

Лишь за низеньким столиком в углу сидел на старинном стуле молодой, возрастом с нашего соседа дядю Лёшу, дяденька в белом пиджаке, и что-то быстро печатал на компьютере. Услышав, как мы вошли, он, опрокинув стул, неловко поднялся нам навстречу, широко улыбнулся и, обращаясь к моей бабушке, произнёс:

— А, это опять вы! Давненько... Давненько мы с вами не виделись.

— Да уж! — улыбнулась дяденьке в ответ бабушка. — А вы совсем не изменились. Только вот, компьютер вместо толстой тетради...

— Да уж! — эхом отозвался продавец. — Мы тут не меняемся, а вот новые технологии... Приходится подстраиваться. Э-э... Вам, я так понимаю, будильник наоборот?

— И как вы только догадались? — изумился я.

А бабушка рассмеялась. И так звонко, будто не старушка вовсе, а моя ровесница.

— А нам и догадываться нечего, — серьёзно ответил продавец. — У нас, Вовка, в «Одном месте», других товаров отродясь не было.

Потом он полез в карман своего пиджака, вытащил оттуда коробку размером с полкирпича и, протянув её мне, сказал:

— Держи, будущий первоклассник! И не ломай! Штука деликатная, электронная, с цифирками вместо стрелочек. Двухрежимная.
— Это как? — спросил я.
— Работает на засыпание и как обычный будильник — на подъём, — объяснил продавец. — Инструкция прилагается.
— Отлично, — сказала бабушка и вытащила из сумки кошелёк. — Сколько с нас?
— Как обычно, — пожал плечами дяденька в белом пиджаке. — Копеечку. Чтоб тропинка не заросла...

Я потом, когда мы с бабушкой шли обратно, и когда сидел дома со своим Будильником Наоборот, и даже на следующий день много думал об «Одном месте», об удивительно маленькой цене в одну копейку за такой замечательный прибор, о словах продавца про тропинку, которая не должна зарости, но так почти ничего и не придумал. Вот откуда он, этот странный дяденька в белом пиджаке узнал, как меня зовут? И отчего в его магазине ничего больше не продаётся? И почему моя бабушка выросла и постарела, а он всё такой же молодой?

Может, волшебство, или, вообще... мне всё приснилось?

Если так, то откуда тогда на моем столе будильник наоборот?...

Ой, осталось всего пять минут до того, как он щёлкнет!

И что из этого? — спросите вы.

А то, — отвечу, — что я сразу же засну. Крепко-крепко, но с красивыми сказочными снами, где я — то Геракл, легко побеждающий какое-нибудь нехорошее чудовище, то Иван-царевич, превращающий бедных никому не нужных лягушек и ящериц в настоящих принцесс, то ещё кто-нибудь героический и очень благородный, совершающий добрые дела... Но завтра я обязательно проснусь вовремя и с хорошим настроением. Как и сегодня. Как и вчера. Как и всю неделю. Так что в школу, до которой мне осталось совсем чуть-чуть, я ни за что не опоздаю. Ведь школа — не детский сад. Туда, если вовремя не придёшь, чему-то да не научишься. Я же научиться хочу многому-премногому. Да и вы, наверное, тоже.

Ведь правда?

Живой Йогурт

(история седьмая, волшебнo-экологическая)

Сегодня в детском саду у нашей группы был выпускной.

Если кто не знает, то выпускной — это такой праздник, когда дети, которые выросли из детсадовского возраста, отправляются в большую, неогороженную забором жизнь, как говорит папа. То есть, идут в школу, где не будет ни оградок от прохожих, ни кроватей для тихого часа, ни добрых воспитательниц... Жалко.

Не то, чтобы я не хотел в школу. Нет, хочу, конечно же! Там за целых одиннадцать лет меня научат быстро читать и красиво писать, считать до миллиона, узнавать, почему начинается зима и кончается детство и даже делать табуретки.

Но я так привык к моим друзьям в садике, к нашим замечательным воспитательницам, нянечкам и тихому часу после обеда, что даже подумал тихонечко, но, оказалось, что вслух: может табуретки, миллион и загадка начала зимы проживут без меня ещё годик-другой, а? «Запросто проживут и год, и десять лет, — сказал папа, который приходил смотреть последний в нашей жизни детсадовский утренник и услышал мои слова. — А ты без них? Неужели, Вова, ты сам хочешь ползать по полу и катать машинки, когда все твои ровесники сидят за партами и учатся быть взрослыми?».

Я понимал, что папа прав. Вот только всё равно мне стало грустно, когда Валентина Антоновна с Мариной Александровной начали вручать нам дипломы об окончании детского сада...

Дома бабушка устроила нам настоящий праздник.

Вечером, когда вся наша семья собралась за столом и поужинала жареной картошкой с курочкой, она поставила передо мной огромный-преогромный торт с розочками, листочками и шоколадными зверушками, вручила мне длинный ножик и сказала:

— Эх, Володенька, совсем ты у нас стал большим. Через три месяца пойдёшь в школу, а там... Оглянуться не успеешь, как вырастешь... Но это в будущем. А сейчас, сделай одолжение, отрежь нам по кусочку торта, пока я всем чай наливаю.

— Но... но, бабушка? — удивился я.

— Что, дорогой? — подмигнула мне бабуля.

— Я ведь никогда не разрезал торт! — громко сказал я.

— Ну, надо ж когда-то начинать, — хлопнул меня по плечу папа. — Твоя сестра в семь лет уже сама картошку чистила.

— Так то — в семь! — крикнул я. — А мне ещё шесть целых две недели будет, до самого дня рождения!

— Давай, сынок, не бойся, — подбодрила меня мама.

— Мам, он не сможет, — откинулась на спинку стула Женька и противно хихикнула. — Он ведь у нас маленький.

— Я смогу! — обиделся я, встал с табурета и, примерившись, быстренько разрезал торт на пять почти одинаковых гигантских кусков. Каждому по одному.

Перемазался в креме, конечно. Немного испачкал скатерть и рукав рубашки, но совсем не смутился.

— Давайте, — говорю, — свои тарелки. Раскладывать буду.

А они все смеются. Я сразу и не понял — над чем? Вроде с заданием справился. То, что не очень аккуратно — так в первый раз же. Во второй лучше получится. Застыл с ножом возле торта и сообразить не могу: с чего бы вдруг такое веселье?

Первой пришла в себя бабушка.

— Молодец, Вовка! — серьёзно так говорит. — Никого не обидел!

— Это уж точно, — улыбнулась мама. — Вов, а ты сам-то с таким куском справишься?

— Не знаю, — пожал я плечами и положил нож на тарелку. — Не справлюсь, потом доем. Он же в холодильнике не испортится?

— Не испортится, — снова рассмеялся папа.

— Да нормально всё, братишка, — успокоила меня Женька. — Не переживай, что куски большие получились. Зато всем... почти поровну, никому... почти не обидно. Правда, мам?

— Правда, — кивнула мама. — Только без «почти», дочка. Договорились?

— Зато Вовка у нас не жадный, — сказала бабушка. — Раньше, когда я была маленькая, мой дед знает, как говорил? Большому куску рот радуется. Вот!

Тут-то до меня, наконец, и дошло, почему всем стало так весело. И я сам засмеялся...

Было ещё совсем не поздно и очень светло, когда я решил выйти во двор погулять. Дядя Лёша, который возле нашего подъезда опять ремонтировал свой говорящий мотоцикл по имени Верочка, дал мне лёгкий дружеский подзатыльник и пообещал завтра свозить меня с Женей на речку. Если, конечно, родители нас с ним отпустят.

Дедушка Кати Галкиной сидел на лавочке под грибочком и читал газету, в которой мой папа работает редактором. Сама Катя каталась на качелях, распугивая громким скрипом и своим «э-ге-гей!» пасущихся поблизости ворон и голубей. Увидев меня, она закричала:

— Вовка, давай скорее сюда, пока вторую качель не заняли!

Я вприпрыжку бросился к подружке, запнулся о бордюрный камень и, больно ударившись подбородком о какую-то бутылку, растянулся на траве. Катя лихо спрыгнула с качелей и подбежала ко мне. За ней подошёл её дедушка-профессор, оторвавшийся от газеты. И даже дядя Лёша, оставив свою Верочку, кинулся мне на помощь.

— Вова, ты не расшибся? — испуганно спросили все они в один голос.

— Да так, не слишком, — ответил я и перевернулся с живота на спину.

— Встать можешь? — спросил дядя Лёша и протянул мне свою крепкую руку.

— Угу, — ответил я, и, схватившись за ладонь соседа, рывком поднялся на ноги. — Спасибо.

— Не за что, — улыбнулся дядя Лёша и, повернувшись к нам спиной, пошёл к своему мотоциклу. — Ты поосторожней, — услышал я его слова.

— Ну вот, испачкался весь, — всплеснула руками Катя.

— Ничего, — успокоил нас её дедушка. — Пыль — дело поправимое. То есть это...
стряхиваемое. Давай-ка, Володя, я помогу тебе очиститься.

— Да я сам справлюсь, — сказал я и похлопал себя сначала по брюкам, потом по рубашке.
— Ну как?

— Сойдёт, — сказал Катин дедушка. — Ничего не болит?

— Ничего, — соврал я, хотя мой подбородок чувствовал себя намного хуже рыбы в воде.

«Как рыба в воде» — отвечают взрослые, когда их спрашивают: «Как ты себя чувствуешь?»
Это значит — хорошо. Вот я почему-то и подумал, что мне тоже можно так ответить. Только
наоборот. Но вслух не сказал.

— Ничего так ничего, — кивнул дедушка и вернулся под свой газетный грибочек с
лавочкой.

— Ну ты даёшь, Вова! — сказала Катя. — Совсем под ноги не смотришь.

— Пойдём лучше покачаемся, — сказал я.

— Пойдём, — согласилась Катька. — Чур, я на правой качели!

Мы летали вверх-вниз, наверное, целый час. При этом так громко кричали, что все птицы из
нашего двора упорхнули, должно быть, в соседний. Там стоит фонтан с памятником писающему
мальчику. Уж очень любят голуби сидеть на мальчиговых голове и плечах. Интересно, почему?
Там же брызги.

От нашего радостного визга и Катин задумчивый дедушка-профессор домой ушёл. Сказал,
что его барабанные перепонки не могут смириться с таким шумом, который устроили мы и мотор
дяди Лёшиной Верочки. Да и другие бабульки, которым на нас ругаться надоело, куда-то
разбежались со своих насиженных скамеечек, оставив на асфальте некрасивые коврики из
семечных скорлупок.

Солнышко, которое весело светило нам с крыши нашего дома, пока мы качались и громко
радовались наступлению лета, как только мы перебрались в песочницу, тут же спряталось за
непонятно откуда прилетевшую маленькую тучку. От него осталось лишь несколько красных
лучиков.

На улице начало холодать. То есть, не то чтобы сильно, но жара сразу же пропала, уступив
место приятной прохладе.

Мы с Катей сидели на бортике песочницы и вспоминали наш детский сад. Точнее, уже не
наш, а тех, кто в нём остался после выпускного.

— А помнишь, — говорит вдруг Катька, — какую мы с тобой скульптурно-пластилиновую
композицию сделали?

— Это лисичку-то с колобком? — спрашиваю.

— Ага, — кивнула Галкина.

— Ха-ха! Такое забудешь! — рассмеялся я. — Знаешь, Катя, я ведь частенько думаю, куда
тогда наша лиса убежала... Ну, после того, как всю пластилиновую дичь во всех группах
слопала... А может, она не убежала? Может, когда её пища кончилась, она с голоду вымерла?

— Да ну тебя, Вова, — засмеялась Катька, — как же она вымерет, когда она пластилиновая!

— Не знаю, — пожал я плечами.

И тут мне в глаза бросилась пустая бутылка из-под газировки, которая валялась шагах в
десяти от нас, прямо за качелями... А потом я увидел мятый стаканчик от мороженого... А ещё
конфетные фантики, бутылочные пробки, выцветшие сигаретные пачки, рваные пакеты и
стеклянную бутылку от пива, об которую чуть не разбил голову, когда упал... Мне сразу стало
неприятно, оттого что люди такие грязнули.

— Ты чего какой грустный вдруг стал? — спросила Галкина.

— Что? — я её не расслышал, потому что задумался об уличных неряхах.

— Погрустнел, говорю, чего? — глаза у Катьки заблестели в последних лучах солнца так,
как будто бы она собралась расплакаться. Да и голос её мне показался не очень-то весёлым.

— Эх, Катя, — вздохнул я. — Вот скажи мне, почему люди мусор в урны не кидают?
Смотри, как у нас во дворе грязно.

— А-а, ты про это задумался, а я уж думала, что-то случилось! — выдохнула с облегчением
Галкина. — Я, Вова, и сама не знаю. Меня дедушка учит мусором не разбрасываться. Если урны
рядом нет, то выкидывать его дома, в ведро.

— Меня бабушка тоже этому учит, — ответил я. — Интересно, а у тех грязнуль, которые
бутылки и фантики на траву и дорожки бросают, что, никогда дедушек и бабушек не было?

— Ничего интересного, — сказала Катька. — Давай-ка, Вова, мы с тобой лучше в нашем дворе сами приберёмся, если больше некому.

— Давай! — обрадовался я, вскочил на ноги, схватил Катину руку и крепко сжал её пальцы в своих ладонях. — Какая ты молодец! А я-то думал, думал про эту грязь, а просто прибраться и не додумался.

Я поднял с земли ничейный пустой пакет, такой, какие дают в продуктовых магазинах, и мы с Галкиной принялись за уборку.

Но одного пакета оказалось мало, потому что когда мы его наполнили, мусора во дворе почти не убавилось... Мы почти до самой темноты собирали брошенные бутылки, всякие грязные бумажки и стаканчики, бегали к контейнерам, высыпали наполнившийся пакет и возвращались с пустым обратно.

И только когда повисшая над домом тучка, спрятавшая от нас солнышко, совсем почернела, а возле дорожки на столбах зажглись яркие фонари, мы перевели дух.

— Ай-да мы! — весело сказала Катька. — Ох, и устала же я!

— Да, уж! — согласился я. — Огромную работу мы с тобой, Катя, проделали.

Так у меня мама выражается, когда мы с ней субботнюю уборку в квартире заканчиваем.

— А чисто-то как стало! — всё восхищалась Галкина. — Любо-дорого теперь в нашем дворе незнакомым людям появляться будет. Скажут: какой порядок! Какие приличные жители в этом доме.

— Да, Катя, — опять кивнул я.

Мне тоже стало приятно от её слов, потому что один из приличных жителей — это я сам и есть... Вот только гляжу, а под скамейкой у моего подъезда что-то беленькое маячит.

— Смотри-ка, — говорю я Катьке и рукой показываю, — мы одну какую-то ерунду не заметили.

— Где? — спросила Галкина, а сама уже проследила за моим пальцем. — Точно! Ну, это ничего. Пошли, Вова. Поднимем этот последний мусор и выкинем его...

Вот тут-то и началось самое интересное!

Вы никогда не задумывались, почему некоторые продукты называют живыми? Я, помнится, один раз задумался. А потом спросил у папы. Он мне вот что ответил:

— Понимаешь, Вова, — говорит, — есть пища свежая и есть — несвежая... Нет, не так. Короче, некоторые продукты, например, кефир или сметану, делают с помощью разных грибков или бактерий, которые помогают сметанам-кефирам оставаться свежими и очень-очень полезными некоторое время. Потому что эти грибки и бактерии невероятно нужны человеческому организму.

— Ага, — ответил я, — Это значит, что когда грибки с бактериями умирают, то кефир-сметана становятся мертвыми и очень-очень вредными?

— Ну... можно сказать и так, — посмеялся тогда папа.

Вот такой у нас с папой состоялся разговор.

Но только теперь я понял, что вся эта ерунда про полезные грибки-бактерии — не совсем правда. А «совсем правда» же заключалась в том, что некоторые живые продукты живут по-настоящему. Своей собственной жизнью.

Впрочем, обо всём по порядку.

Мы с Катькой подбежали к моему подъезду, и я присел возле лавочки, чтобы мусоринку, последнюю во дворе, из-под неё вытащить. Не тут-то было! Маленькая белая коробочка из-под йогурта, к которой я протянул руку, как отпрыгнет! Я аж на попу сел. Прямо на асфальт.

— Вова, ты чего? — изумилась Галкина.

— Он этот... — говорю и пальцем на отскочившую от меня коробочку показываю, — он... смотри!

Я поднялся на ноги и снова опустился на корточки, а потом опять попытался дотянуться до йогуртовой коробочки. Та вновь отскочила.

Катька, которая встала на коленки рядом со мной, не поверила свои глазам.

— Ну и дела... — только и произнесла она.

Тут мне в голову пришла одна интересная мысль.

— Слушай, Катя, — говорю. — А может, под этой коробочкой какая-нибудь птичка прячется? Или мышка? Или эта... я по телевизору видел... маленькая такая кенгуру, которая по пустыне скачет?

— Тушканчик что ли? — хихикнула Галкина.

— Ага, — кивнул я, — тушканчик... Как думаешь, такое может быть?

— Не знаю, — пожалала плечами Катя. — Но не думаю, чтобы птичка, мышка или тушканчик стали бы прятаться под стаканчиком из-под йогурта. Они б скорее убежали. Или улетели. Или в кусты спрятались.

— А давай, — говорю, — мы твоей панамкой поймаем этого удивительного незнакомца. Я с одной стороны его на тебя загонять буду, а ты снимай пана...

Но договорить я не успел, потому что в тот же самый момент один край коробочки немного поднялся, и из-под неё выбрался маленький белый человечек. Ну, не совсем человечек, а этакое существо с двумя крохотными ножками, двумя пухленькими ручками и очень маленькой головкой.

— Не надо меня панамкой ловить, — тоненько пискнуло существо. — Я очень нежный, панамкой меня можно раздавить.

— А... а... — не мог я вымолвить и слова.

— А вы... кто? — пришла мне на помощь Галкина.

— Я? — пискнуло существо и посмотрело сперва на свои ручки, а потом на ножки. — Позвольте представиться. Я — Живой Йогурт.

— Кто-кто? — не поверил я собственным ушам.

— Какой же ты непонятливый, Вова, — сказала существо тоном нашей теперь уже бывшей воспитательницы Марины Александровны. — Твоя подружка Катя уже обо всём догадалась. Правда, Галкина?

— Ой! — удивилась Катя. — А откуда вы нас знаете?

— Ну и вопросыки у вас! — запищало существо, и мне показалось, что оно смеётся. — Я, между прочим, тут живу уже второй день, и почти всех из вашего дома изучил. Делать-то всё равно нечего. Скучно просто так в банке сидеть, не банкир же... А ещё я в собачку превращаться умею. Вот, смотрите!

И существо встало на коленки и тут же из человечка превратилось в крохотную, с мою ладошку, болонку, которая визгливо затыкала. Мы с Катей рассмеялись — такой уж этот Йогурт оказался юмористический, смешней самого Петросяна.

— Ну как? Здорово у меня получается быть зверем? — весело пискнул Йогурт, снова превратившийся в человечка.

— Потрясающе! — воскликнула Галкина, и мы громко захлопали в ладоши.

Йогурт нам поклонился как настоящий артист со сцены.

— А вы откуда взялись под нашей лавочкой? — спросил я.

— О, меня не было б на свете ещё со вчерашнего дня, — ответил Йогурт, — да вот только Валера Петухов с пятого этажа уронил мой домик, когда начал его открывать. А его мама сказала, чтобы он меня не поднимал. Мол, я стал грязным и несъедобным. Повезло, ничего не скажешь.

— Это уж точно! — восхищенно сказала Катя. — Повезло. Но надолго ли? Я слышала... простите...

Галкина вдруг замолчала. В ярком свете фонаря я увидел, как её лицо покраснело.

— Ну, смелее! — потребовал Йогурт. — Ты хотела спросить, долго ли я проживу?

Катя молча кивнула.

— Не знаю, — грустно пискнуло существо. — Живые йогурты долго не живут. Может, до завтра протяну... Может, до послезавтра. Но я попрошу вас об одной услуге, хорошо?

— Конечно! — воскликнули мы с Катей в один голос.

— Не выкидывайте мой домик, пока я здесь прячусь, ладно? А то меня дождём смочит или кошка съест.

— Обещаю! — торжественно сказал я.

— Клянусь! — громко сказала Галкина.

— Вот и спасибо, — пискнул Йогурт и снова приподнял краешек своего домика, собираясь от нас спрятаться. — Чего-то я устал с вами разговаривать, спать хочется. Я ведь пока живой... А вам самим-то расходиться не пора? Темно уже.

Словно в подтверждение его слов со стороны Каткиного балкона раздался голос её мамы:

— Катюша, ты где? Пора домой!

— Иду, мамочка! — крикнула Галкина, хлопнула меня по плечу и, шепнув: — До, завтра, Вовка, встретимся во дворе, — бегом припустила к своему подъезду.
— Пока, Катя! — крикнул я ей вслед.
— Спокойной ночи, Йогурт, — тихонько сказал я, наклонившись к самой его коробочке.
— И тебе, Вова, спокойной ночи, — услышал я его тоненький писк, приглушённый пластиком баночки...

Дома папа сказал, что я, видимо, почувствовал себя совсем взрослым, раз гуляю до темноты. И что он уже собирался идти меня искать. Я ничего ему не ответил, а сразу прошёл на кухню, залез в холодильник и достал оттуда свой недоеденный кусок торта. Уж очень мне крем с него показался подозрительным.

— Ма-ам! — позвал я.
— Да, милый? — обернулась ко мне мама, которая мыла в раковине посуду.
— Вот скажи мне, из чего делают крем для торта? — спросил я.
— Из масла делают, — улыбнулась мне мама, — из взбитых сливок или взбитого яичного белка.
— А ещё из чего? — не унимался я.
— Ну... много всяких кремов бывает, — ответила мама. — Из сгущённого молока, например. Или из топлёного шоколада.
— А из йогурта делают? — спросил я.
— И из йогурта делают, — кивнула мама. — Кстати, на этом торте, что тебе бабушка сегодня подарила, крем как раз из взбитого йогурта... А что?
— Да так, ничего, — ответил я, — просто интересно стало...

А сам вернул торт в холодильник и направился в ванную, где почистил зубы и вымыл лицо. Потом пошёл в нашу с Женькой комнату, включил будильник наоборот, разделся, погасил свет, забрался под одеяло и задумался: можно ли есть йогурт, если он — живой? Ему ведь, наверное, будет неприятно. Может, стоит дождаться, пока он умрёт? Но ведь тогда, если я его съем, будет неприятно уже мне?

Да уж, вопросик! Можно спросить ответ у родителей или у сестры, но почему-то не хочется. Вот интересно, помогут мне разобраться с этим сложным делом в школе? И если помогут, то в каком классе?

Надеюсь, что в первом. А то до второго ждать ещё так долго.

Чемодановый крокодил

(история восьмая, чудесно-помогательная)

Моя сестра Женя частенько что-нибудь забывает или теряет. Мама говорит, она оттого такая рассеянная, что когда делает что-то одно, думает совершенно о другом.

Например, когда Женька первый раз пошла в первый класс, то учебники, которые ей выдали в этот день, она оставила на подоконнике в коридоре. Вместе с новеньким рюкзачком. Потому что уже мечтала о том, что через час будет кататься в парке на аттракционах. Хорошо, что ничего не пропало, потому что на улице её ждала бабушка, которая вернулась в школу и быстренько потерю отыскала.

Но Женя и сейчас постоянно забывает. То с тренировки придет в жокейских сапожках, забыв ботинки в раздевалке, то уроки выучит на среду, когда надо было подготовиться ко вторнику. Она вообще-то очень способная и стала бы, наверное, круглой отличницей, если б не её девичья память, как выражается папа.

Я почти всегда очень люблю свою сестру. Поэтому, когда она получает плохие оценки из-за неправильно выученных уроков, мне по-настоящему её жалко. А однажды, когда Женю сняли с соревнований, потому что она перед своим выходом забыла взвеситься, сестра так расстроилась, что целую неделю ни с кем не разговаривала. Хотя мы — я, папа, мама и бабушка — были ни в чём не виноваты. Я тогда из солидарности с Женькой тоже решил молчать, но продержался только час. Потому что мама купила эклеров, которыми лакомиться молча совершенно не интересно.

Так вот, про Женьку и её рассеянность я рассказал вам совсем не случайно. Почему? Да потому, что неделю назад произошла такая замечательная история, после которой всё в жизни моей сестры начало меняться. В лучшую, конечно же, сторону.

Итак...

Каждый четверг и в любое время года, если только я не болею, мы с папой вдвоём ездим кататься на нашей машине. Такая у нас традиция.

Дело в том, что у моего папы четверг — творческий день (он делает вид, что пишет роман), поэтому в редакции папа не появляется. Когда я ещё ходил в садик, он обязательно заезжал за мной сразу после тихого часа, и мы отправлялись путешествовать.

Если погода была дождливая или холодная, мы колесили по городу, иногда останавливаясь около кафе-кондитерских, чтобы выпить горячего шоколада, возле музеев — посмотреть новую выставку, или ехали в игровой центр сражаться в «воздушный хоккей». Но если вдруг очередной четверг радовал нас солнышком и теплом, мы выкатывались на какое-нибудь загородное шоссе и ехали куда глаза глядят. Однажды таким образом мы открыли для себя удивительное озеро — в глухом лесу, маленькое, его и на карте-то нет, но с такой прозрачной водой, что даже на самой большой глубине видно камушки на дне. Правда! Я сам с резиновой лодки видел.

Теперь я из садика выпустился — считаю дни до первого сентября, когда пойду в школу. И в прошлый четверг папа предложил мне не ждать вечера, чтобы отправиться в нашу с ним еженедельную поездку, а быстренько позавтракать, собраться и выехать.

Лето в этом году стоит потрясающее — солнечное, тёплое, даже немножко жаркое, но с ночными дождичками. Поэтому пожаров, как в прошлом году, нет. Мы ездим купаться и загорать чуть ли не с конца мая. Про нашу дачу на Волге я вам когда-то уже рассказывал, помните? Там очень хорошо.

Но я, кажется, отвлёкся. Тем более что на дачу мы отправляемся по выходным и всей семьёй. А четверг, как говорит папа, наш мужской день.

В общем, папа быстренько приготовил омлет, заварил чай, мы покушали, оделись и вышли из дома. Гараж у нас рядышком, поэтому уже через каких-то десять минут я, сидя на заднем диванчике наших «Жигулей», весело глазел в окно, считая проезжающие навстречу автомобили. Удивительно, но больше всего оказалось серых и чёрных машин. Красных проехало всего три штуки. Жёлтых же автомобилей, таких как у нас, и которые я люблю больше всех, не попало вовсе.

— Ну что, орёл, за город рванём? — весело спросил папа.

— Ага! — радостно отозвался я. — Поехали на наше озеро!

— На наше озеро? — переспросил папа. — Слушай, у меня другое предложение. Может, тебе понравится?

— Давай сюда свое предложение! — потребовал я.

— Хорошо, — ответил папа. — Я, Вовка, давно хотел прокатиться по окрестным деревням, посмотреть природу, с людьми пообщаться. Может, мы с тобой что-нибудь любопытное увидим или что-то новое узнаем, а? Как тебе?

— Да ну, — разочарованно сказал я. — Что в деревнях любопытного-то? Мы каждую неделю на дачу в деревню ездим. Но там хоть Волга. А тут чего?

— Понимаешь... — сказал папа и ненадолго задумался. — Я хочу вернуться к роману, который начал писать три года назад. Что-то у меня там не складывается. Вдохновения не хватает, что ли? В городе всё до мельчайших подробностей мне знакомо, я ж в газете работаю. Не интересно как-то. А тебе? Неужели, тебе не хочется новых впечатлений?

— Хочется, — согласился я. — Но только сильных-пресильных. Таких, какие были, когда мы наше озеро нашли.

У-ух! У меня от воспоминаний аж мурашки по спине поползли. Представляете, едем по плохой просёлочной дороге через лес, ищем место где бы развернуться, чтобы отправиться в обратный путь, а тут вдруг деревья кончаются и... Какая там, на озере, красотища! Я описать не смогу. Может, у папы в своём новом романе получится?

— Поехали по твоим деревням, — вдруг согласился я, потому что мне действительно очень сильно захотелось новых впечатлений. — Только давай не по той дороге, по которой на Волгу ездим, а совсем в другую сторону. В противоположную, вот.

— Отлично, сын! — обрадовался папа. — Я и не сомневался, что ты меня поддержишь.

Но первая деревня, в которую мы заехали, нам совсем не понравилась. Называлась она — Глубокие Топи. Топи, как объяснил мне папа, это такие непроходимые болота. А уж глубокие... И точно, близко подъехать к домам нам не удалось. Дорога оказалась такая грязная, что если б не трактор, который стоял неподалёку и по папиной просьбе не вытащил нашу завязшую машину, она б, наверное, утонула в этой чавкающей жиже уже через час.

Еле выбравшись на почти сухую землю, мы развернулись и поехали направо по указателю, с которого аппетитно зазывало «с. КУЛЕБЯКИНО 2». «С.» — это село, если кто не знает, «2» — это расстояние в два километра до села, а кулебяки — это такие вкусные-превкусные пироги. Они бывают и с курочкой, и с рыбкой, и ещё, наверное, со всякими другими чудесными начинками. С чем конкретно, я точно не знаю, поэтому обманывать вас не буду.

Село оказалось небольшим — всего две улочки, — но очень чистым и ухоженным. На перекрёстке улиц удобно устроилась маленькая ослепительно-белая церквушка с зелёной луковичкой на башенке. Прямо загляденье, какая красивая!

— Пап, давай зайдём внутрь, а? — попросил я.

— Отчего не зайти? — ответил папа. — Пойдём. Заодно со священником поговорим. Может, он что-нибудь интересное нам расскажет.

Мы оставили нашего «Жигулёнка» на обочине и, пройдя через распахнутые ажурные чугунные ворота, подошли к церкви. Священник, дяденька совсем ещё молодой, но уже с длинной бородой, встретил нас на крыльце и поздоровался первым:

— Здравствуйте, молодые люди! Никак, креститься приехали? К нам на крестины городские частенько заглядывают.

— Здравсьте, — сказал я, — мы уже крещёные.

— Здравствуйте, батюшка, — сказал папа. — Мы не креститься. Мы просто путешественники. Вот, выдался свободный денёк, мы с сыном и решили прокатиться по окрестностям, новых впечатлений набраться. Можно вашу церковь посмотреть?

— Отчего ж нельзя? — улыбнулся батюшка. — Дом Господа нашего открыт для каждого. Проходите, милости просим.

Он посторонился, пропуская нас внутрь, и сам вошёл следом.

Изнутри церквушка была такая же снежно-белая, как и снаружи. Икон на стенах висело не много, но перед каждой горели лампадки. Стреляющие из ослепительно чистых окон светлые лучики радостно играли на блестящем деревянном полу весёлыми солнечными зайчиками.

— Как у вас тут красиво, — похвалил я батюшку.

— Спасибо, юноша, — улыбнулся он мне. — Селяне приход свой любят, вот и содержим его в порядке. Чтоб ни перед Господом, ни перед людьми совестно не было.

— Да... Впечатляет, — сказал папа. — Простите, батюшка, а не подскажите, почему ваше село называется Кулебякино?

— Как не подсказать? Подскажу, — ответил священник. — Лет триста назад в один день ранним утром ехал по дороге через эти края богатый купец с большим обозом на ярмарку. Не знаю, чем он торговать собирался, да вот на этом самом месте, где сейчас церковь стоит, у его головной телеги колесо и отвалилось. Купец остановился, с мужиками телегу приподнял, колесо на место приладил, да уж решил было дальше отправляться, но заметил вдруг в траве икону Пресвятой Богородицы. Поднял её, поцеловал и за пазуху спрятал. Потом перекрестился, поклонился на все четыре стороны и дальше в путь тронулся. Люди говорят, наторговал он в тот день на ярмарке столько, что ни в один прежний раз такой громадной прибыли не получал. А когда под вечер возвращался этой же дорогой обратно, на той же полянке и у той же самой телеги вновь колесо слетело. Разозлился было купец на мужиков, что починить телегу утром нормально не смогли, да тут про икону-то и вспомнил. Вот и подумал он тогда, что это ему сам Господь знамение послал. Ну и воздвиг тогда купец здесь церковь, назвал её Храмом Рождества Пресвятой Богородицы. А со временем и себе дом тут справил. Потом кузницу поставил и пекарню, и двор постоянный обустроил. Постепенно и другие люди вокруг церкви селиться стали. Так и появилось на свет наше Кулебякино... Хорошее здесь место, доброе.

— Как здорово, — сказал папа. — Но батюшка, вы так и не ответили, почему село Кулебякином-то называется!

— Не ответил? — стушевался священник. — Ох, досада! Да просто всё очень. Тому купцу, которому икона Пресвятой Богородицы явилась, фамилия была — Кулебякин. У нас и сейчас полсела Кулебякиных. Потомки, значит... Да я и сам — Кулебякин, — хихикнул батюшка.

— Ну да? — не поверил я, и папа тут же отвесил мне лёгкий подзатыльник.

— Точно-точно! — улыбнулся священник и перекрестился. — Вот те истинный крест — Кулебякин!

Мы немножко помолчали, поулыбались, а потом папа спросил:

— Батюшка, а та икона, что ваш предок-купец в траве нашёл, сохранилась?

— А как же! — ответил священник и показал рукой в сторону. — Вон она, на почётном месте.

Мы с папой подошли поближе. Иконка эта была маленькая, размером с тетрадку, очень тёмная и без золотой рамки, как у других икон.

— Ух, какая старая! — восхитился папа.

— Да, икона древняя, — подтвердил священник. — Эксперт-искусствовед из Москвы приезжал, сказал, что ей не меньше пятисот лет... Вот и крадут её у нас постоянно всякие люди, нечистые на руку. Крадут, а потом сами же и приносят с повинной. Ни разу больше трёх дней не ждали... Так-то. Господь наш и в самую пропащую душу крупницу совести бросил.

— Удивительно, — прошептал папа. — Вот это история.

— Мне тоже понравилось, — сказал я.

И тут, стоя перед старинной иконой, я отчего-то вспомнил про Женьку.

— Дяденька священник, — говорю, — а вот если живёт на свете очень хороший человек, но иногда у него случаются несчастья из-за того, что он всё время забывает, перепутывает или что-то теряет... Помочь такому человеку вы не можете?

— Я? — удивился священник Кулебякин. — Помочь, юноша, может наш Бог. Только ему молиться надо.

— Да ну! — засмеялся я. — Этот человек и молиться-то позабудет! Вот вы сами говорите, что у вас здесь всякие удивительные приключения случаются: то купец икону волшебную нашёл, то у воришек совесть проснулась. Вот и мне надо, чтобы с человеком какое-нибудь чудо случилось. Помогите, а?

— Вова! — строго сказал мне папа, а, обратившись к священнику, произнёс: — Вы уж его простите, батюшка. Он у нас большой выдумщик.

— И хорошо, что выдумщик, — улыбнулся священник. — Замечательный у вас отрок, вы его не ругайте. Он же не для себя чуда просит, а для хорошего человека. Ну как ему не помочь?

Вот так в нашей квартире и поселился чемодановый крокодил. Мне его для Жени священник Кулебякин из села Кулебякино подарил. Этот чемодановый крокодил — самый настоящий волшебник. Он у нас живёт уже почти целую неделю, а Женька за это время почти ничего не потеряла и совсем ничего не забыла. И не перепутала. Так, по мелочи. Но это ведь не считается?

А когда священник нам с папой крокодила дарил, то рассказал его удивительную историю, которую я сейчас вам перескажу.

Слушайте.

Появился чемодановый крокодил лет тридцать назад, когда священник Кулебякин ещё был мальчиком, а его отец, тогда вовсе не старый, служил настоятелем в том самом Храме Рождества Пресвятой Богородицы. Мальчик рос очень хорошим и добрым, да вот только постоянно всё забывал или терял. Прямо как моя Женька ещё неделю назад!

Отец скажет сыну: «Сходи в магазин, купи соли». Сын пойдёт и купит пачку макарон. Отец велит дрова наколоть, а сын вместо этого воды из колодца натаскает. А уж терял сколько всего! То вторую обувь в школе забудет, то учебник из раскрытого портфеля вывалится на улице, то шапка с головы слетит, а он и не заметит — так и идёт домой в мороз с отмороженными ушами. В общем, беда с этой рассеянностью. Ведь из-за неё и простудиться можно, и двоечником стать. Жалко. Мальчик-то умный, трудолюбивый и любознательный. Историей интересуется, географией и ботаникой. Птиц и зверей всяких любит, особенно крокодилов. Собирает сын крокодильи фотокарточки в коробку от конфет, любит ими вечером, ну и пусть. Странное увлечение, но безобидное. Ничего страшного. Бывают интересы и похуже. Например, камни в окна бросать или прохожих из-за кустов нехорошими словами обзывать, а потом над собственной глупостью смеяться.

Думал старший Кулебякин, думал, и придумал, как любимого сына от рассеянности отучить. Залез он на чердак, вытащил из дальнего угла старый-престарый чемодан, разломал его пополам и нарезал из двух получившихся коробок кучу кусочков разной формы. Потом он сшил крепкими нитками из этих квадратиков-треугольничков небольшого, в метр длинной, крокодила и покрасил его зелёной краской.

Старший Кулебякин, даром что священник, мастером был на все руки. Крокодил его вышел настолько похожим на настоящего, что даже с близкого расстояния редко кто отличит. Лапы и хвост двигались, пасть, утыканная деревянными зубами, открывалась и закрывалась, громко клацая, а глаза, склеенные из разноцветных стёклышек, так вообще живым блеском горели.

В общем, смастерил отец чемоданового крокодила, заглянул в церковь, помолился Пресвятой Богородице о том, чтоб помогла она сына избавить с помощью новой игрушки от забывчивости, да и спать пошёл.

А ранним утром просыпается старший Кулебякин от громкого треска, в окно смотрит, а там сын дрова колет. Рядом давешний чемодановый крокодил сидит, радостно и почти по-собачьи хвостом виляет, в пасти же своей зубастой давно утерянную шапку держит...

Так и повелось с тех пор. Забудет Кулебякин-сын что-то важное, чемодановый крокодил его за ногу тихонько зубами схватит, сразу всё вспоминается. Потеряет мальчик что-нибудь, крокодил ночью, чтоб никого из селян не пугать, из дому выйдет и пропажу отыщет. В общем, месяца два всего прошло с момента крокодилова создания, а мальчик от забывчивости и рассеянности напрочь избавился. А отделался Кулебякин-сын от напасти, тут и крокодил за ненадобностью в простую игрушку превратился. Лапами и хвостом шевелить перестал, пасть не раскрывает, не кусается, даже живой блеск в глазницах стеклянных угас. А что? Задачу он свою выполнил. Смысл из жизни ушёл. На тот момент.

Вот такая история.

Мы с папой когда чемоданового крокодила домой привезли, Женьке о его способностях сразу рассказали. Ох, как долго она смеялась! И, конечно же, не поверила.

А на следующий день нас дядя Лёша на своём мотоцикле на речку купаться возил. Так Женька, растяпа, где-то полотенце забыла. Совсем новое, большое и синее, с серыми дельфинами. Жалко ужасно! Ну что ж, забыла так забыла. Рассказала дома папе, а он ей за спину смотрит и хихикает. Сестра обернулась и глазам не поверила, чуть в обморок не упала: в дверном проёме чемодановый крокодил стоит, хвостом из стороны в сторону помахивает, а в зубах у него аккуратно свёрнутая Женькина пропажа. И глаза стеклянные блестят, словно живые. Дела, да?

Если так дальше пойдёт, то наша Женя к первому сентября от рассеянности полностью вылечится. И крокодил чемодановый снова игрушкой сделается.

А знаете, сколько на свете живёт вот таких забывчивых растеряш? Ужас, как много! И если вы один или одна из них, и вам тоже помощь нужна, месяца через два обращайтесь. К тому времени чемодановый крокодил как раз освободится.

Я запомнил, что пообещал. Поэтому буду ждать с нетерпением.

Бешеный огурец

(история девятая, волшебнo-огородная)

Да знаю я, что бешеные огурцы — это такие колючие плоды одного сорняка! Они, когда перезреют, взрываются противной липкой жижей. Поэтому не надо говорить, что я ничего не понимаю в растениях. У меня, между прочим, есть книжка с цветными картинками. Называется «Занимательная ботаника». А у вас такая имеется?

Так вот, те сорняковые бешеные огурцы, которые взрываются, к моей истории никакого отношения не имеют. А история, между прочим, жуткая. Но в то же время забавная. И произошла она этим летом у нас на даче.

В общем, слушайте.

Мой друг Серёжа уехал с мамой и папой на море. И Катя Галкина тоже на море укатила со своим дедушкой-профессором. Они что, сговорились все?

Вот мне недавно семь лет исполнилось, а на море я до сих пор не был. Сестра тоже не была, а ей уже одиннадцать. И, честно говоря, на это самое море нам не очень-то и хочется. Почему? Да потому, что у нас на Волге есть дача, и каждое лето мы с Женей там живём. Конечно, и родители с нами, когда они в отпуске и по вечерам. И бабушка постоянно приезжает. Но так, чтобы не уезжать никуда больше месяца — только я и Женька.

В тот запомнившийся нам понедельник мы с сестрой остались на даче вдвоём до самого ужина.

Мама с папой утром уехали в город на работу. Ещё раньше, в пятницу, бабушка со своим мужем, дедом Васей, с которым они поженились в прошлом году, укатили на две недели в какой-то минеральный санаторий. А мы с Женькой остались на хозяйстве. Так папа говорит.

Но какое ж, вы спросите, это хозяйство? Корову доить не надо, свиней у нас тоже нет. Даже куриц с кроликами мы не выращиваем. Знай себе, отдыхай — загорай, играй, купайся, ешь витамины всякие прямо с грядки... Ага! Вот вы и попались.

Чтобы эти самые витамины прямо с грядки есть, грядку надо сначала вскопать, потом семечки посадить, а затем ещё и поливать их каждый день. И ростки, когда они появятся из семечек, пропалывать раз в неделю. Холить и лелеять, как говорит мама. А если этих грядок штук десять? Да ещё и теплица большущая с огурцами и помидорами? Ужас, сколько работы!

Впрочем, не такой и ужас, если честно. Нас же много. Папа огород копает, мама пропалывает, а мы с сестрой всё поливаем и урожай помогаем собирать. Мне особенно нравится собирать урожай клубники и малины. И не в какой-нибудь лоток, а прямо в рот. Когда родители в городе, я так и делаю. И Женька тоже. Только она больше любит вишню.

Но вернёмся к тому понедельнику, когда мы с Женей остались на даче вдвоём.

Проснулись мы, помню, довольно поздно, потому что родители нас не разбудили, а свой будильник наоборот я оставил в городе. Как себя вести, что делать и что не делать, папа с мамой рассказали нам ещё с вечера, поэтому вставать с кровати мы не торопились.

Когда я открыл глаза, Женька сидела в своей постели и плела из бисера браслетик. Это у неё новое увлечение. Увидев, что я не сплю, она сделала такой вид, будто не девочка, а строгая воспитательница и сказала:

— Ну что, соня, отдохнул? А теперь — ноги в руки и бегом умываться. Я пока оладушки подогрею, и будем завтракать.

Я нехотя сполз с кровати, натянул шорты с большими карманами, футболку, сунул ноги в шлёпанцы и поплёлся в сени.

У нас на даче водопровода нет. Зато есть колодец, из которого мы берём воду и для поливки огорода, и для супа, и для чая, и для умывания. А ещё на кухне и в сенях на стенке висят рукомойники. Рукомойник — это такая банка с пимпочкой, прикреплённая над раковиной. Когда на пимпочку рукой нажимаешь, из банки в раковину льётся вода. Поэтому умываться, а особенно — чистить зубы, не очень-то удобно. Под краном, как в городе, гораздо легче. Но ничего, я уже привык.

Кстати, помните, что я рассказывал вам про сырники? Да, да. Подогретые оладушки тоже не такие вкусные, как только что поджаренные. Хорошо, что у нас мёд есть. И варенье. Так что со свежим молоком их кушать всё-таки можно. Без великого, конечно, удовольствия. Но ничего, вполне съедобно.

— Вов, на обед что готовить будем? — спросила меня Женя, когда я расправился с очередным оладушком.

— А что, мама с папой ничего готового нам не оставили? — удивился я.

— Почему же? — пожала плечами сестра. — Щи в холодильнике есть...

— Только не щи! — завопил я.

— Тише ты, обалдуй! — осадил меня Женька. — Знаю я, что ты их недолюбливаешь, поэтому и спрашиваю.

— А ты что предложишь? — успокоился я.

— Ну... можно макарон сварить с сосисками, можно яишенку пожарить, можно кашу... Слушай, я придумала! — вдруг весело вскрикнула Женька.

— И чего ты придумала? — спросил я, допив последнюю каплю молока.

— А того я придумала, — опять она начала кривляться. — Давай-ка мы с тобой, братец, окрошку соорудим.

— Давай! — весело согласился я. Окрошка мне очень нравится. — А квас у нас есть?

— Всё у нас есть, — сказала Женька и начала загибать пальцы. — Картошку и яйца я отварю, колбаса ещё осталась, квас в погребе, сметана там же, петрушка, лук и укроп на грядке, огурцы... А-а! Огурцы ж у нас тоже свои созревать начали. Наберёшь?

— Конечно, — обрадовался я. — Ты мне только ведро какое-нибудь дай, куда их складывать.

— Ну, на ведро огурцов мы с мамой пока не рассчитываем, — засмеялась Женька. — Может, через недельку... Вон на буфете плошка стоит, видишь?

— Ага, — кивнул я.

— Её под урожай и возьми, хорошо?

Я встал из-за стола, вытер жирные руки о полотенце, взял с буфета плошку и пошёл в теплицу за огурцами.

Но выйдя на крыльцо я решил немножко полюбоваться на бедлам, который устроил в огороде соседский Тузик.

Сначала этот блохтерьер, как называет его папа, с чудовищным остервенением гонял по нашим грядкам какого-то рыжего кота, выбрасывая из-под своих пяток недозрелую тонюсенькую морковку. Потом Тузик загнал кота на крышу сарая и зашёлся громким лаем. Мне стало даже немножко страшно. А потом вдруг рыжий сиганул с крыши прямо псу на спину, и началась такая драка, которую я не видел даже в кино про Джеки Чана.

Если б не Женька, я не знаю, выжили бы наши грядки до приезда родителей или нет. Услышав шум и увидев всю эту кутерьму в окно, сестра босиком, но со шваброй выскочила из дому и бросилась прямо в самую гущу событий, как говорят в новостях по телевизору. Не знаю, на чьей стороне она была — Тузика или кота, но после её нападения и тот, и другой, жалобно твякая и обиженно подмяукивая, пулями разлетелись в разные стороны, покинув пределы нашего участка.

Подойдя ко мне с видом несокрушимой победительницы, Женька ловко взмахнула своим оружием и, окинув меня уничтожающим взглядом, проговорила:

— А ты чего ж сидел, а? Ждал, пока эти поганцы нам весь огород разгромают?

— Да я как-то не подумал, — робко улыбнулся я.

— Не подумал, — передразнила меня Женька, скорчив на лице такую гримасу, что я почувствовал, как краснею от стыда.

— Ладно, братец, — уже более мирно улыбнулась она, — дуй за огурцами, а потом купаться пойдём.

Я не поверил собственным ушам.

— Купаться? А-а... как же мама с папой?

Вообще-то родители нам строго настроено запрещают ходить без взрослых на пляж. Мало ли что может случиться, мы ж не очень хорошо плаваем. Точнее, я. Женька-то — как рыба. Почти. Она уже три года в бассейн ходит. А ныряет как! Ни один деревенский мальчишка так не может. Правда-правда! Даже папа говорит, что Женя превзошла его в мастерстве ныряния. А наш папа такие салты крутить может, о-го-го!

Впрочем, я опять отвлёкся.

— Женя-а, — сказал я, — нам же без взрослых на Волгу нельзя.

— А кто тебе сказал, что мы пойдём на Волгу, — подмигнула мне сестра. — Мы на пруды сходим.

— До них же далеко! — возмутился я.

Но Женька только отмахнулась:

— Так уж и далеко. Подумаешь, километр какой-то. Хотя... ты можешь остаться дома.

— Нет, нет, нет! — замахал я руками. — На пруды так на пруды! А мой жилет надувной возьмём?

— Возьмём, возьмём, — Женька поднялась на крыльцо. — Кстати, картошка и яйца для окрошки уже почти сварились. Где обещанные огурцы?

— Ой! — вскрикнул я. — Сейчас принесу! Я мигом!

Я схватил со ступеньки плошку и бегом бросился в теплицу.

Огурцов оказалось действительно совсем немного. Сколько я ни искал, сколько ни лазил под щекотными шершавыми листьями, нашёл только три небольших пупырчатых огурчика длинной в мою ладошку с пальцами. Остальные были такими крошечными, с ещё не отвалившимися жёлтыми цветочками на тоненьких носиках, что я их и рвать не стал. Решил, что рановато.

В теплице было очень жарко. Вся моя футболка за каких-то пять минут стала совсем мокрой от пота. Поэтому я с нескрываемым облегчением уже собрался выбраться на свежий воздух, когда позади меня что-то зашуршало.

Резко обернувшись, я сначала ничего подозрительного не заметил. «Ветер, наверное», — даже подумал я, хотя сразу вспомнил — я же в теплице! Какой здесь ветер?

И тут я заметил его...

Зелёный-презелёный, гладкий и длинный, гораздо длиннее тех, что лежали на дне моей плошки, довольно толстенький, этот огурец висел прямо передо мной. На самом, можно сказать, последнем кусте. Висел, раскачиваясь, шелестя при этом листьями, и, я так в тот момент подумал, нагло ухмыляясь. Мол, ну и растяпа же ты, Вовка: мелочь всякую собрал, а меня, такого исполинского гиганта, и не заметил!

Я, быстренько отогнав от себя подозрения, протянул руку, сорвал наглеца, засунул его в карман и выбрался в огород.

Ух, здорово снова попасть под ласковый ветерок! Прямо сразу чувствуется, как на свете жить хорошо.

Женька уже ждала на крыльце.

— У меня всё готово! — крикнула она. — Много набрал?

— Вот, смотри, — сказал я, поднявшись по ступенькам и встав рядом с сестрой. — Три маленьких и ещё один. Во!

Я вытащил из кармана последний огурец, который не поместился в небольшую плошку, и не без гордости поднёс его к самому Женькиному носу.

— Ух ты! — восхитилась она. — Ну и великан. Интересно, когда он успел вырасти? Мы с мамой вчера его не видели.

— А он хороший маскировщик, — сказал я. — Между прочим, я сам его заметил только тогда, когда уже собрался выходить из теплицы.

— Ладно, следопыт, — улыбнулась мне сестра, — пошли переодеваться. Полотенца с твоим жилетом я уже в пакет сложила.

— А крошку когда делать будем? — спросил я.

— Ближе к обеду вернёмся, тогда всё и нарежем, — ответила Женька. — Там делов-то!

Купаться в пруду — совсем не то же самое, что на Волге.

Течения нет, вода зелёная и какая-то скользкая, дно грязное, на берегу трава вместо песка. Но в такую жару там всё равно лучше, чем сидеть на огороде и отгонять веточкой слепней. Слепень, для тех, кто не знает, это такая большая муха, которая ещё и больно-пребольно кусается. На пруду слепни тоже есть, но там от них хотя бы можно спрятаться в воду.

Не знаю, два часа мы провели на пруду или три, но возвращаться домой решили только тогда, когда в животах у нас заурчало.

Пройти целый километр пешком, скажу я вам, не так уж и мало. А когда ещё наплавался до полного изнеможения — вообще мука.

Я плёлся за Женькой, еле волоча ноги от усталости, жары и голода, и жалобно ныл. Я понимал, что веду себя далеко не так прилично, как хотелось бы, но ничего с собой поделывать не мог. Противное нытьё так и лезло из меня наружу. Так и лезло!

И только когда Женька сказала, что она никогда меня с собой больше купаться не возьмёт, я опомнился и замолчал. А потом ещё и прощения у сестры попросил. И она сказала:

— Ну, ладно. Так уж и быть...

Заправки для окрошки мы с Женькой решили приготовить побольше, чтобы не только самим поесть, но и папу с мамой, когда они уставшие приедут после работы, накормить.

Я мыл огурцы, чистил яйца и сдирал тонкую кожицу с картошки, сваренной в мундире, а Женька нарезала всё тонкими ломтиками и кубиками и сыпала в тазик.

Пока мы управлялись с колбасой, картофелем и яйцами, всё шло просто отлично. Да и три маленьких огурчика проблем нам не доставили. Но когда сестра только прикоснулась к давешнему тепличному гиганту, началось что-то ужасное.

Сначала я ничего не понял, потому что дочитал последнюю картофелину и не видел, что произошло. Только услышал звонкий хлопок, как будто упал на пол и расколослся перезрелый арбуз. А потом Женька как закричит:

— Ты что, сдурел?! Нет, он совсем обалдел!

Я поднял глаза и встретился ими с Женькиным гневным взглядом.

— Вообще ничего не соображает! — снова крикнула она, обращаясь ко мне.

— Женька, ты чего? — остолбенел я. — Что я такого сделал?

— Ага, ничегошеньки! — и она больно ущипнула меня за руку. — Стоило мне отвернуться...

— А-а-а! — завопил я от боли. — Ничего я не делал! Не видишь, я картошку чищу! Ты сама чего?!

— Я чего?! — зарычала Женька. — Нет, это я чего?! А кто меня по лбу стукнул?! Дед Мороз?!

— Женья! — крикнул я. — Не стучал я тебя ни по какому по лбу!

— Да? — начала успокаиваться сестра. — А кто тогда?

Она, что-то бубня себе под нос, снова положила последний огурец на разделочную доску и занесла над ним нож.

И тут произошло такое...

Непонятно каким образом огурец вырвался из её ладошки, взлетел в воздух на уровень моей головы, и ка-ак... саданёт меня по уху!

— А-а-а! — снова завопил я не столько от боли, сколько от ужаса.

— А-а-а!!! — заголосила, вторя мне, испуганная Женька.

Бешеный огурец же, упавший было на стол, подпрыгнул опять и шандарахнул Женьку по плечу.

Мы, побросав ножи, наперегонки бросились с кухни в комнату и еле успели захлопнуть за собой дверь, потому что с той стороны сразу так оглушительно застучало, что мы, не помня себя от страха, за какую-то секунду придвинули к закрытому проходу тяжеленный комод.

Из кухни слышался звон падающей на пол посуды и яростный стук, издаваемый взбесившимся овощем, колотящим всё, что попадет на его пути.

— Женья, что это? — прошептал я, как только почувствовал, что могу говорить.

— Н-не зн-наю, — сестра от испуга начала заикаться. — К-кошмар к-какой-то...

Поначалу мы думали, что бешеный огурец быстренько расколотит всё на кухне и тут же успокоится. Тогда мы потихоньку выскользнем из комнаты. Но грохот не прекращался целый час, а то и дольше. Мы с сестрой, испуганные и голодные, сидели на полу за шкафом и боялись, не думая ни о чём, кроме того, что же с нами случится, если бессовестный овощ найдёт способ пробраться к нам в комнату...

Сколько времени мы дрожали от страха, я сказать затрудняюсь, потому что вечер ещё не наступил, когда со двора послышался скрип открываемых ворот, а потом шум работающего мотора. Слава Богу, родители приехали.

Мы с Женей перестали прятаться, выбрались из-за шкафа и бросились к окну.

— Сиди здесь, папу с мамой предупрежу, — велела мне сестра, а сама распахнула створки и лихо выпрыгнула на улицу.

— Ты только побыстрее, Женечка! — крикнул я ей вдогонку.

Странно во всей этой истории то, что когда папа — он приехал один, без мамы — зашёл на кухню, то никакого бешеного огурца там не нашёл. Как мы Женькой ни оправдывались, сколько ни рассказывали про взбесившийся овощ, ни единому нашему слову он не поверил. Но и ругать не стал. Лишь сказал:

— Ох, засранцы, — он всегда нас так называет, когда мы немножко набедокурим. — Устроили погром, а мужества сознаться в себе не нашли. Давайте-ка быстренько за уборку. К ужину мама приедет на автобусе. Чтобы к её появлению всё тут сверкало и блестело. И ни про каких бешеных огурцов ей ни слова! Ясно?

— Ясно, — грустно пробормотали мы и собрались приниматься за уборку.

Папа вышел на улицу, а Женька достала из буфета пакет с пряниками и вытащила из погреба банку с молоком.

— Не верит, и не надо, — сказала она. — Уборку мы с тобой, Вовка, сделаем. Но ведь не на пустой желудок мы работать будем, правда?

— Правда, Женья, — согласился я, а потом вдруг добавил: — Слушай, а может, не было никакого бешеного огурца? Может, нам всё привиделось? А беспорядок соседский Тузик с утрешним рыжим котом устроили?

Сестра хотела что-то ответить, но тут из сеней раздался подозрительный шум, как будто грохнулось на пол с лавки пустое ведро, а потом на кухню влетел ошарашенный папа. В руке он крепко сжимал нашего зелёного знакомца, который, судя по движениям этой самой руки, яростно пытался вырваться на свободу.

— А-а! Попался, мерзавец! Ну и... — грозно вопил папа, но, увидев нас, застывших возле стола с открытыми ртами, осёкся и, улыбнувшись, подмигнул. А потом, перейдя на заговорщический шёпот, произнёс:

— Я его поймал, детки. Сейчас выйду на улицу, разберусь с негодяем... Простите за то, что сразу не поверил... Однако... Повторяю ещё раз: маме ни слова. Хорошо?

— Хорошо! — радостно закричали мы с сестрой в один голос.

А потом Женя дружески похлопала меня по плечу и, бросив на папу хитрый взгляд, добавила:

— Прибираемся вместе, папочка! Кстати, ты пряничка не хочешь?

Берёзовый суп

(история десятая, сказочно-чудесная и заключительная)

Даже вспоминать стыдно, как мне было грустно ещё неделю назад. Но что случилось, то случилось. И... как было, так и было. Чего уж теперь-то стесняться?

Впрочем, обо всём по порядку.

Итак...

Друзей у меня не очень много. Точнее, очень немного. Если быть до конца честным, совсем мало. Всего двое — Серёжа и Катя.

Нет, ребят с которыми я играю во дворе или летом на даче, не пересчитать и по пальцам трёх рук. Но таких, на которых можно положиться в самую трудную минуту или поделиться с ними сокровенной тайной, кроме Катюшки с Серёжкой у меня нет. Бабушка, папа с мамой и сестра Женя — не в счёт. Они всего лишь родственники, пусть и любимые.

И вот теперь, когда мне оставались до школы считанные дни, я, лёжа в постели, сильно переживал, что нас с Серёжей и Катей записали в разные классы. Какая несправедливость! Разве можно разлучать лучших друзей? Это я у вас спрашиваю, взрослые!

Бабушка говорит, что крепкая дружба выдержит любые испытания. Мол, если мы настоящие друзья, то такая ерунда, как разные классы только укрепит наши отношения. А мама считает, что в школе у всех нас появятся новые приятели, поэтому волнуюсь я совершенно напрасно.

Возможно они, когда говорили эти слова, были и правы, но мне почему-то веселей от их утешений не становилось. Даже заснуть сразу не смог, хоть мой будильник наоборот уже и дал сигнал. Э-эх...

На следующий день, когда мы с папой гуляли в берёзовой роще, что раскинулась за деревней, в которой у нас летняя дача, то нашли одно очень интересное полено.

Вы историю про Буратино читали? Вот-вот, и наше полено оказалось точно таким же, как на картинке в моей книжке. Я сказал:

— Пап, нам это полено нужно взять домой.

— Это ещё зачем? — удивился папа.

— А затем, что мы с тобой вырежем из него Буратино, — совершенно серьёзно ответил я. — Смотри, какой сучок из него торчит! Он станет носом.

Папа громко захохотал, прислонившись спиной к дереву и схватился за живот. А когда отсмеялся, то сказал:

— Вовка! Неужели ты думаешь, что мы сами сможем сделать Буратино?

— Конечно, — подтвердил я. — Ты ж мне кораблики из щепок вырезаешь, значит ножом работать умеешь. И меня научишь.

— Так то — кораблики, — вздохнул папа. — На деревянную куклу у меня, боюсь, мастерства не хватит.

— А ты не бойся, — сказал я. — Попробовать-то можно?

— Попробовать можно, — согласился папа. — Вот только ты скажи мне, зачем тебе кукла? Ты ж мальчик. Если б ты машинку какую попросил, или саблю, я б не удивился. Но куклу...

— Не надо мне никакой куклы! — чуть не заплакал я. — Мне друг нужен! Сами меня с Катей и Серёжкой в разные классы записали, с кем я теперь дружить буду?

Папа сразу стал серьёзным, а потом присел на пенёк и, подтянув меня к себе за руку, крепко обнял.

— Эх, Вовка, — вздохнул он. — Прости меня, пожалуйста. Я, когда тебя в школу записывать ходил, совсем не подумал, что для тебя так важно попасть с друзьями в один класс. Поэтому, когда меня спросили, в какой класс вы хотите, ответил: «В тот, где самая хорошая учительница». Ну, так и получилось, что...

— Значит, в Кати с Серёжином классе будет ещё и учительница плохая? — совсем расстроился я.

— Почему плохая? Хорошая, — улыбнулся папа. — Просто у тебя будет самая лучшая. Разве это не здорово? И потом, когда вы с друзьями окажетесь в разных классах, то меньше будете отвлекаться друг на дружку.

— Ты хочешь сказать, что когда люди дружат, им вместе учиться нельзя? — удивился я.

— Отчего ж нельзя, можно. Просто будет лучше, когда... — снова вздохнул папа, но тут же взял себя в руки и, вскочив с пенёка, высоко подбросил меня в небо. — Хорош печалиться! Давай-ка возьмём наше полено и пойдём делать тебе буратину. Раз-два!

Мы пилили, строгали и кромсали полено всю субботу до самого вечера. А потом ещё и воскресенье почти до обеда вырезали на нём тонкие детали — глаза, рот, уши и пальцы. Вот только сучок, из которого предполагалось выточить длинный нос, обломился ещё в самом начале. Пришлось вырезать нос самой обычной, человеческой формы. Он у нас здорово получился. С такой горбинкой, про которую мама сказала:

— Ну, ваще! Римский профиль. У вас, мужики, не Буратино получился, а какой-то Юлий Цезарь. Одежду-то из чего шить будем? Из простыни?

— Не надо ничего ему шить, — сказала Женька. — На чердаке полно Вовкиных рубашек и штанов, из которых он вырос. Я туда сейчас быстренько слетаю и что-нибудь подберу.

— Точно, Женя! — сказал я. — Ну, ты и голова.

— Кто б сомневался! — засмеялся папа, а потом обратился к маме: — Насчёт Цезаря, дорогая, мне кажется — ты преувеличиваешь. Но имя нашему буратине придумать всё равно надо. Вовка, есть предложения?

— Не-а, — покачал я головой.

— А у меня есть! — сказала вдруг мама. — Давайте назовем его Поленычем.

— Почему — Поленычем? — спросили мы с папой в один голос, но папа быстро догадался и сразу же рассмеялся: — Потому что из полена? А что? По-моему — класс. Тебе как, Вовка?

— Поленыч! — произнёс я. — Здорово! И необычно. Пусть зовётся Поленычем.

И я ласково погладил своего нового друга по голове.

А тут и Женька с чердака вернулась с целой кучей моей старой одежды.

Поленыч, не шевелясь, сидел с нами за обеденным столом, и пока мы всей семьёй уплетали варёную картошку с котлетами, смотрел своими неподвижными глазами куда-то в стену. В моих старых синих джинсах, красном джемпере и клетчатой жилетке на пуговицах он выглядел таким модником. Вот только каким-то ненастоящим. Как манекен из магазина детской одежды.

— Па-ап! — позвал я, когда мы пили чай с конфетами.

— Чего, Вов? — откликнулся папа.

— Слушай, а почему Буратино быстро, ещё пока его вырезали, стал живым, а наш Поленыч до сих пор ни разу не пошевелился?

— Ну, потому, — ответил папа, — что Буратино — это всё-таки сказочный персонаж, а Поленыч — настоящий. Чтоб его оживить, Вовка, без волшебства обойтись трудно. Я б сказал, невозможно.

— Что ж ты меня раньше-то не предупредил? — опять расстроился я. — Ну вот... Сделали мне друга...

Я почувствовал, что сейчас зареву, поэтому выскочил из-за стола и бегом бросился на улицу.

— Вова, ты куда? — услышал я за спиной мамин голос, но не обернулся и ничего ей не ответил. Ужасно не хотелось никому показывать слёзы.

Бежал я очень быстро и убежал далеко. В ту самую берёзовую рощу, откуда мы вчера принесли это несчастное неживое полено. Теперь я хорошо понимал, что надеялся на чудо зря. Никакая деревяшка в настоящей жизни не оживёт. Это вам не сказка.

Но скажите мне, если человек остался совсем без друзей, неужели и понадеяться нельзя? Хоть чуть-чутьку! А вдруг?

Я повалился на землю и, уткнувшись носом в тёплый сухой мох, разревелся. Мне было стыдно, что я уже почти взрослый, но до сих пор веду себя как маленький. Ведь знал же, знал, что ничего с поленом не получится! И всё равно меня переполняла жуткая обида на весь мир.

— Во-ов, — услышал я откуда-то сверху Женькин голос.

— Чего тебе? — всхлипнул я и почувствовал, что мне на затылок легла лёгкая сестрёнкина рука.

— Ты не расстраивайся так, а? — сказала Женя. — Твой Поленыч получился ужас какой замечательный. Как живой.

— Вот именно, что КАК! — снова всхлипнул я. — Можешь забрать его себе, если он тебе так понравился. А мне друг нужен. Понимаешь? Друг! Разве может им стать какая-то деревяшка?

Женька убрала руку с моей головы, помолчала немножко, а потом вдруг сказала:

— Если ты думаешь, что я пошла за тобой, чтоб тебя утешать, то ты ошибаешься. И если ты хочешь, чтоб я забрала Поленыча себе, то я так и сделаю. Только сначала оживлю. А ты валяйся тут и реви сколько хочешь. Подумаешь, записали их в разные классы! Мы с Варькой тоже, между прочим, в разных классах учимся. И даже в разных школах. И ничего, дружим.

Варя — это Женина лучшая подруга, они раньше тоже, как и мы с Серёжей и Катей, в одну детсадовскую группу ходили, а теперь вместе конным спортом занимаются. Только лошади у них разные: у Женьки — Белочка, а у Варьки — Штандарт. Он тоже белый, только с рыжей полоской на морде. То есть, на лице.

Но в тот момент я о Варе и её Штандарте совсем не думал. В Женькиных словах я услышал такое, от чего сразу перестал капризничать, повернулся на спину и уселся.

— В смысле, как это ты его оживишь? — не понял я.

— А так, — загадочно улыбнулась Женя. — Твой Поленыч из чего сделан?

— Как из чего? — пожал я плечами. — Из полена деревянного... Поэтому и Поленыч.

— Вот! — торжественно произнесла сестра и подняла вверх указательный палец.

— Что — вот? — я совсем ничего не понимал.

— А то, — сказала Женя, — что ему наша пища не подходит. Не нужны Поленычу ни котлеты, ни конфеты, поэтому он за столом и не оживился. Понял?

— Не очень, — покачал я головой.

— Какой же ты бестолковый, братец, — вздохнула Женька, точь-в-точь как наша бывшая воспитательница Марина Александровна. — Это у нас, у людей, пища человеческая, а у них, у деревянных, и еда должна быть деревянская. Вот что я хочу сказать. Теперь ты понимаешь?

— Теперь я понимаю, — улыбнулся я и поднялся на ноги.

Действительно, как же я раньше о такой простой вещи не догадался. Хотя... Буратино, помнится, съел обычную луковицу... Неужели она ему подошла?

— Пойдём, Вова, наберём твоему Поленычу продуктов, а потом сварим из них что-нибудь деревянско-съедобное.

— Пойдём, — обрадовался я...

Мы, наверное, целых полчаса собирали в роще съестные припасы для оживления куклы. В пакет, захваченный Женькой из дома, натолкали берёзовых листьев, старой отвалившейся коры-бересты, маленьких палочек и веточек, и даже нашли два больших гриба подберёзовика.

Потом я тайно пробрался на нашу дачу, взял из сеней большую железную миску, перочинный ножик, бутылку воды, коробок спичек и старую газету для розжига. Мы с сестрой решили не привлекать внимания взрослых, поэтому готовить суп для Поленыча договорились на костре.

За время, что я бегал в дом, Женька собрала на полянке большую кучу сухого хвороста. Огонь разгорелся с первой спички. Пока мы ломали и резали в миску наши продукты, из хвороста получился превосходный уголь. Сестра осторожно поставила на него посудину, налила поверх коры, листьев и грибов немного воды и уселась на ствол поваленного дерева. Я пристроился рядышком.

— Женя, а когда берёзовый суп сварится, а? — спросил я.

— Не торопись, — ответила сестра. — Сначала нужно, чтобы вода закипела. Потом надо ещё поварить минут двадцать, изредка помешивая. Это называется — довести до готовности. А

ещё будем ждать, пока берёзовый суп остынет. Не тащить же в дом горячую миску. Вдруг прольём, обваримся.

— Обвариваться я не хочу, — кивнул я. — Может, пока он готовится, мы в прятки поиграем?

— От костра отходить нельзя, — сказала Женя. — Мы же не хотим, чтобы в роще начался пожар?

— Нет, пожара мы точно не хотим, — опять согласился я...

Теперь-то я знаю, как трудно варить настоящий суп. И как долго. Поэтому, наверное, суп щи с варёной капустой мне всё-таки придётся полюбить. Я же не хочу расстраивать маму своими «не хочу», когда она так старается, чтобы всех нас накормить.

Пока папа с мамой копались в огороде, мы с сестрой, осторожно несущей в руках остывающий берёзовый суп, незаметно проникли в дом. Женька сразу пошла по лестнице наверх, в нашу комнату, а я заглянул в кухню, где за убранным после обеда столом до сих пор сидел брошенный всеми Поленьч. С трудом подняв его на руки — Поленьч оказался тяжелым, почти как мой друг Серёжка, — я потащился следом за сестрой.

Чтобы не очень устать, мне пришлось два раза отдыхать на лесенке. Когда я останавливался, то боялся, что меня заметят неожиданно вернувшиеся родители. Но, к счастью, всё обошлось.

Усадив Поленьча на мою кровать, я подвинул к нему табурет, а Женька поставила на него тарелку с берёзовым супом.

— Ох и балда же я! — воскликнула она. — Ложку-то забыла. Никуда не уходите, сейчас принесу!

Она с такой скоростью сбегала вниз, что я и чихнуть не успел.

Наконец, все приготовления были сделаны. Осталось самое главное — оживить нашего деревянного друга.

Но что мы ни делали, Поленьч упорно не желал пробовать наше варево. Мы и уговаривали его, и по голове гладили, и нахваливали вкус супа, и даже полную ложку к его рту подносили. Ничего не действовало.

Мы с Женей даже расстроились.

А потом сестра сказала:

— Знаешь Вовка, если Поленьч есть не желает — сам виноват. Мы с тобой сделали всё возможное, чтобы ему угодить. Пойдём-ка лучше погуляем. А этот деревянный истукан пусть сидит тут и скучает. Если ему так хочется.

Я понял Женькину хитрость. Нас в садике воспитательницы тоже так иногда подначивали.

— Пойдём, Женя, — сказал я. — Сегодня так хорошо на улице, как, наверное, больше никогда в этом году не будет. Потому что скоро начнется осень и пойдут дожди. Насидеться дома мы с тобой ещё успеем.

И мы, слетев по лестнице вниз, вприпрыжку выбежали из дома.

Сначала помогли маме выкопать морковку. Затем перетаскали в сарай дрова, которые напилил папа. А потом пошли в рощу собирать листья для гербария, который Женя обещала принести в школу в начале учебного года.

В общем, вернулись на дачу к самому ужину — усталые, голодные, но весёлые. И про несговорчивого Поленьча напрочь забыли. А когда поужинали, вспомнили. Побежали в свою комнату... Да только деревянный человек исчез. Лишь на моей кровати лежала аккуратно свёрнутая клетчатая жилетка, в которой я ходил, когда был пятилетним малышом. На табурете стояла пустая миска из-под берёзового супа и в ней облизанная ложка...

Папа с мамой клялись нам, что не брали Поленьча. Они сказали, что и в нашу комнату-то не поднимались. А мы с Женей провели весь день вместе, поэтому втайне от меня спрятать куклу сестра не могла.

Но куда тогда делся Поленьч? Неужели, ожил? Обиделся, что все его покинули? Поэтому решил от нас уйти? Невероятно!

Мы прожили на даче ещё два дня, а потом отправились в город. Надо было собирать нас с Женей в школу — покупать тетрадки и ручки, одежду и прочие необходимые вещи. О том, что мы с Катей и Серёжей будем учиться в разных классах, я больше почти не грустил. Бабушка права —

дружба, чтобы стать крепче, должна пройти испытания. Вот и пусть проходит. Если у неё, у дружбы, ничего не получится, значит не такая уж она была и настоящая.

И только один вопрос меня мучил: куда исчез мой Поленыч?

Этот же вопрос не давал покоя и Женьке...

Сегодня первое сентября. И я наконец-то первый раз иду в школу. С папой, мамой, бабушкой, Женей и высоченным букетом гладиолусов. В школу, вы слышите?! Это вам не шуточки!

Но самое удивительное то, что я всё-таки буду учиться в одном классе с Серёжей и Катей. Как такое могло случиться, что нас переписали в один класс, спросите вы? Честно скажу: не знаю. Хоть и догадываюсь.

Дело в том, что вчера, тридцать первого августа ровно в девять часов вечера, нам позвонила моя будущая учительница. Она в разговоре с мамой сказала, что утром, когда все учителя сидели у директора школы на совещании, к ним в кабинет вошёл без стука какой-то странный невысокий дяденька. Он очень громко и очень-очень вежливо попросил у всех собравшихся, чтобы трое первоклассников — Вова, Катя и Серёжа — попали в один класс. Иначе он сильно расстроится. А когда он расстроится, то все его очень пожалеют... Точно-точно, так и выразился!

Когда мама сказала, что никого не просила ходить в школу и договариваться насчёт нас с друзьями, то учительница ответила:

— Удивительно... Я разговаривала с другими... Серёжины и Катины родители тоже никого не просили... Но мы, учителя, всё равно решили, что друзей разлучать нельзя. Поэтому и согласились с мужчиной... Чтобы он не расстраивался... И наш директор был не против. Но кто же тогда этот странный человек? И почему он приходил просить за ваших детей?

— Извините, а вы не можете сказать, как он выглядел и каким именем представился? — спросила в трубку мама и включила на телефонном аппарате громкую связь.

— Он... — задумалась учительница. — Он... Я уже сказала, что не высок ростом? Да, совсем-совсем невысокий... Если не сказать, маленький. Возраст? Довольно молодой... Лет, наверное, тридцати. Может, тридцати пяти. Одет был в красный джемпер и джинсы... А зовут? Странное какое-то имя... Я бы сказала, необычное... Полен Поленович, что ли? И ещё...

— Что ещё? — спросила мама.

— Как только он к нам вошёл, в кабинете сразу запахло берёзовыми вениками... Такими, которыми в бане парятся, знаете?

— Да-да, знаю... — сказала мама и по рассеянности положила трубку себе на колени. Потом, когда учительница её уже не слышала, добавила: — Спасибо вам. До завтра.

Родители недоуменно переглянулись.

Папа оторвался от телевизора, по которому смотрел новости. И раскрыв рот, и во все глаза уставился на маму. Потом на нас с Женькой. Мама тоже, мельком глянув на папу, перевела на нас удивленный взгляд.

— Ну и? — в один голос спросили они.

Мне вдруг стало так хорошо, что я от радости звонко рассмеялся.

А Женя, когда я немножко успокоился, негромко сказала:

— Ох, Вовка... А наш с тобой супчик-то, похоже, сработал...

январь — октябрь 2011 г.